

ДАНИЭЛА СТИЛ

Перемены

Даниэла Стил Перемены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122981

Даниэла Стил. Перемены: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-34515-1

Оригинал: DanielleSteel, "Changes"

Перевод:

Н. Изотова

Аннотация

Когда талантливая тележурналистка Мелани Адамс приехала в Лос-Анджелес, чтобы сделать материал об известном кардиохирурге, она еще не знала, что эта встреча изменит всю ее жизнь. За несколько дней они стали нужны друг другу, но Мел, растившая одна двух дочерей, боится еще раз совершить ошибку. Она знает – любовь требует особенного мужества. И все же этому привлекательному, сильному, нежному человеку удастся сломать стены, которые она возводила вокруг себя годами. Несмотря на множество препятствий, они сумели не упустить еще один, может быть единственный, шанс на счастье, предоставленный им судьбой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниэла Стил Перемены

*Изменяясь и сплетаясь,
Из тьмы прошлой жизни плывут,
Струясь, воспоминанья о нас с тобой.
Над головой две жизни,
Две судьбы сплелись,
И вдруг – тревожный сердца перестук.*

*И слишком поздно, чтоб бежать,
И слишком рано, чтоб узнать,
Что канут прочь сомненья в ночь,
И сердце ровно застучит,
Лишь твое имя прозвучит.*

*Судьба моя, с твоей переплетаясь,
Течет, скользя, танцуя и меняясь.¹*

Беатрисе, Тревору, Тодду, Нику и особенно Джону за все, чем вы стали для меня, и за все, что вы дали мне.

Глава 1

– Доктор Галлам... доктор Питер Галлам... доктор Галлам... интенсивная кардиология... доктор Галлам... – звучал по радио бесстрастный голос, когда Питер Галлам спешил через вестибюль центральной городской больницы, не останавливаясь, чтобы ответить на вызов, поскольку операционная бригада знала, что он уже в пути. Войдя в лифт и нажав кнопку шестого этажа, он нахмурился, его мозг лихорадочно работал, анализируя данные, полученные двадцать минут назад по телефону. Они несколько недель ждали этого донора, но сейчас момент был почти упущен. Почти. Двери лифта раскрылись, и он стремительной походкой направился к сестринскому посту с надписью «Интенсивная кардиология».

– Салли Блок уже отправили наверх?

Сестра подняла на него глаза, моментально сосредоточившись. При виде его у нее всегда слегка замирало сердце. В этом высоком, подтянутом седовласом человеке с голубыми глазами и мягким голосом было что-то, вызывающее в людях душевный трепет. Он выглядел так, как изображаются врачи в женских романах. В нем сочетались природная доброта и мягкость с мужской силой. Он напоминал прекрасного скакуна, всегда с натянутыми поводьями, рвущегося вперед... стремящегося сделать больше... вступить в единоборство со временем... добиваться невозможного... вырвать у смерти хоть одну жизнь... мужчину... женщину... ребенка... еще одного. Он часто побеждал. Часто. Но не всегда. Бессилие раздражало его. Более того, причиняло ему боль. Морщины залегли вокруг глаз, а в душе затаилась глубокая печаль. Он почти ежедневно творил чудеса, но ему хотелось большего, ему хотелось спасти их всех, но это было невозможно.

– Да, доктор. – Сестра поспешно кивнула. – Ее только что отвезли наверх.

– Она была готова?

Это была еще одна его отличительная черта. Сестра мгновенно поняла, что он имел в виду под этим «готова». Совсем не легкое успокаивающее или внутривенный укол больной, сделанный перед тем, как девушку увезли из палаты в операционную. Он спрашивал о том, как она себя вела, что чувствовала, кто говорил с ней, кто сопровождал ее. Ему хотелось, чтобы все его пациенты знали, через какие испытания им придется пройти, какая трудная задача стоит перед врачами и как самозабвенно все они будут пытаться спасти жизнь каждого. Он хотел, чтобы пациент был готов вступить в борьбу за свою жизнь вместе с ним.

– Если они не будут верить, что у них есть шанс выиграть сражение, когда их везут в операционную, то мы с самого начала обречены на провал.

Сестра слышала, как он говорит это своим студентам, и это были не просто слова. Он сражался, не жалея себя, и это дорого обходилось ему, но жизнь людей стоила всех усилий. Результаты, полученные им за последние пять лет, за редким исключением, были поразительными. Но эти исключения очень много значили для Питера Галлама. «Какой он удивительный, сильный, блестящий... и необыкновенно красивый», – с улыбкой отметила медсестра, когда доктор поспешил к маленькому лифту в конце коридора. Лифт быстро поднял его на один этаж, и Питер оказался перед входом в операционную, где он и его бригада проводили сложные операции по пересадке сердца, как та, которая предстояла сегодня ночью.

Двадцатидвухлетняя Салли Блок почти всю сознательную жизнь прожила инвалидом, перенесла в детстве ревматическую атаку. Ей уже несколько раз делали пересадку клапанов и множество медикаментозных блокад. Несколько недель назад, когда она поступила в центральную городскую больницу, он и его коллеги пришли к выводу, что ей может помочь только пересадка сердца. Но до сих пор не было донора. До сегодняшней ночи, когда в половине третьего группа сомнительных молодчиков устроила гонки в долине Сан-Фернандо. Трое из них разбились при столкновении, и после ряда деловых звонков от сотрудников пре-

красно организованной системы по выявлению и поставке доноров Питер Галлам узнал, что появился подходящий донор. Только бы Салли смогла перенести операцию и ее организм не отторг бы новое сердце, которое они подарят ей.

Он переоделся в бледно-зеленый хлопчатобумажный операционный костюм, тщательно вымыл руки, и хирургическая сестра помогла ему надеть перчатки и маску. Три врача, два стажера и несколько операционных сестер уже ждали его. Питер Галлам, казалось, даже не заметил их, входя в операционную. Его взгляд тотчас устремился на Салли, лежавшую молча и неподвижно на операционном столе. Яркий свет ламп слепил ей глаза. Даже в стерильной одежде и в зеленой шапочке, скрывающей ее длинные светлые волосы, она выглядела привлекательной. Салли очень хотела стать художницей... учиться в колледже... ходить на свидания... быть любимой... иметь детей. Она узнала Питера, несмотря на шапочку и маску, и сонно улыбнулась сквозь дымку наркоза.

– Привет! – Она выглядела хрупкой, глаза казались огромными на изможденном лице, и напоминала разбитую фарфоровую куклу, ждущую, что он починит ее.

– Привет, Салли. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Ее глаза на мгновение вспыхнули, и она улыбнулась знакомому взгляду. За последние две недели она хорошо узнала его. Он дал ей надежду и нежность, окружил заботой, а одиночество, в котором она жила долгие годы, показалось ей менее горьким.

– Нам предстоит большая работа, а ты лежи и дремли. – Питер наблюдал за ней, потом взглянул на приборы и снова перевел на нее взгляд. – Страшно?

– Немного.

Но он знал, что Салли хорошо подготовлена. Он потратил много времени, объясняя ей суть операции, весь сложный процесс и какие опасности могут подстергать ее после, а также какое медикаментозное лечение ей будет предписано. И вот решающий момент настал. Это напоминало второе рождение. Он вдохнет в нее новую жизнь, она как бы родится из его души, из кончиков его пальцев.

Анестезиолог подошел к изголовью операционного стола и встретился взглядом с Питером Галламом. Тот медленно кивнул и снова улыбнулся Салли.

– Скоро увидимся. – Правда, пройдет часов пять или шесть, прежде чем она снова придет в сознание, пока они будут наблюдать за ней в послеоперационной палате, перед тем как перевести ее в отделение интенсивной терапии.

– Вы будете рядом, когда я проснусь? – Она нахмурилась от страха, и он поспешно кивнул:

– Конечно. Я обязательно буду с тобой.

Затем Питер сделал знак анестезиологу, и вскоре под действием наркоза ее глаза закрылись. Спустя несколько минут операция началась. А через четыре часа на лице Питера Галлама появилось удивленно-победоносное выражение, когда донорское сердце заработало. На какое-то мгновение он встретился взглядом с сестрой, стоявшей напротив него, и улыбнулся из-под маски.

– Работает. – Но Питер понимал, что они выиграли только первый раунд. Примет ли организм Салли новое сердце или отторгнет его? Как и у всех других пациентов с трансплантированным сердцем, шансы выжить у нее невелики. Однако они были выше, чем если бы ей совсем не делали операцию. В ее случае это была единственная надежда. В то утро в девять пятнадцать Салли Блок увезли в послеоперационную палату, а Питер Галлам получил первую передышку с половины пятого утра. Некоторое время еще будет отходить наркоз, и он может выпить чашку кофе и немного поразмышлять. Подобные операции изнуряли его.

– Блестящая работа, доктор. – Врач-стажер стоял рядом с ним, все еще находясь под впечатлением от увиденного. Питер, налив себе чашку черного кофе, повернулся к молодому человеку.

– Спасибо. – Питер улыбнулся, подумав, насколько этот юноша похож на его сына. Он был бы безмерно рад, если бы Марк посвятил себя медицине, но у того были другие планы; он хотел заняться бизнесом или юриспруденцией. Его привлекал более широкий мир, чем тот, в котором жил Питер. К тому же за долгие годы сын успел насмотреться, как выкладывается отец, как он переживает смерть каждого своего пациента. Это было не для него. Питер прикрыл глаза, сделал глоток очень крепкого кофе, думая, что, возможно, это и к лучшему. Затем снова обернулся к стажеру:

– Вы впервые видели пересадку сердца?

– Нет, это вторая операция. Первую тоже исполняли вы.

Слово «исполнение» весьма подходило к их работе. Обе пересадки, за которыми наблюдал молодой человек, представляли собой своего рода хирургическое зрелище. До этого ему никогда в жизни не приходилось испытывать такое напряжение и драму в операционной. Наблюдать за ходом операции, выполняемой Питером Галламом, это как смотреть балетный спектакль с участием Нижинского. Он был артистом своего дела.

– Каков, по вашему мнению, будет результат операции?

– Слишком рано говорить об этом. Надеюсь, что все обойдется. – И он, надевая поверх операционного костюма еще один стерильный халат и направляясь в послеоперационную палату, молил Бога, чтобы сказанное им оправдалось. Оставив чашку с кофе снаружи, он тихо подошел к кровати Салли и сел на стул. Послеоперационная сестра и целая батарея мониторов следили за каждым вздохом Салли, и пока все было в порядке. Опасность может появиться позже. Только бы все не пошло плохо с самого начала. А такое уже случалось прежде. Но только не в этот раз... не в этот раз... прошу тебя, Боже... не сейчас... не с ней... она так молода... хотя он чувствовал бы то же самое, будь ей не двадцать два, а пятьдесят пять.

Как это не имело значения, когда он потерял жену. Он сидел, глядя на Салли, стараясь не видеть другое лицо... другой случай, который всегда стоял у него перед глазами... Он видел ее, какой она была в последние часы, утратившая желание бороться, потерявшая надежду... Он уже ничего не мог поделать. Она так и не позволила ему попытаться спасти ее. Что бы он ни говорил, как бы ни старался уговорить ее. У них был донор. Но она отказалась. В ту ночь он бился головой о стену в ее палате, а затем, сев в автомобиль, помчался с бешеной скоростью домой по пустынной дороге. А когда его остановили за превышение скорости, ему было все равно. Тогда он думал только о ней... и о том, что она ничего не позволила ему сделать. Когда дорожный патруль остановил его, он был настолько не в себе, что его заставили выйти из машины и пройти по прямой. Но он не был пьян, он оцепенел от боли. Они отпустили его, сделав замечание и заставив заплатить приличный штраф. Дома он слонялся из угла в угол, думая о ней, страдая. Ему так не хватало Анны, ее заботы и поддержки. Он не верил, что сможет жить без нее. Тогда даже дети казались ему далекими... все его мысли были только об Анне. Долгие годы совместной жизни она была такой сильной, и только благодаря ей он смог добиться успеха. Она была для него живительным источником. И вдруг все кончилось. В ту ночь Питер сидел одинокий и испуганный, как маленький ребенок, а на рассвете внезапно почувствовал непреодолимое желание увидеть ее. Он должен был вернуться к ней... должен еще раз сказать ей... должен рассказать то, о чем никогда не говорил прежде. Он помчался обратно в больницу и тихо проскользнул в ее палату. Отослав медсестру передохнуть, он сел возле нее, нежно взяв ее за руку, отвел прекрасные волосы с бледного лба и стал гладить их, а перед самым рассветом она открыла глаза.

– Питер... – тихо прошептала она.

– Я люблю тебя, Анна.

У него на глаза навернулись слезы, и ему захотелось закричать: «Не уходи!»

Она улыбнулась своей волшебной улыбкой, всегда бередившей его душу, и затем, слегка вздохнув, ушла в мир иной, а он стоял, объятый ужасом, и смотрел на нее. Почему

она не стала бороться? Почему она не позволила ему попытаться спасти ее? Почему она не могла воспринять то, что другие принимали от него почти ежедневно? Но сейчас он не мог спокойно смириться с этим. Он стоял, не отводя от нее взгляда, тихо всхлипывая, пока кто-то из коллег не увел его. Они отвезли его домой и уложили в постель. В течение нескольких недель он делал все машинально. Его существование напоминало жизнь в мрачном подводном царстве, когда ему то и дело приходилось всплывать на поверхность, пока он в конце концов не осознал, как отчаянно дети нуждаются в нем. И постепенно он вернулся в реальный мир, а спустя три недели вновь приступил к работе, но теперь ему постоянно чего-то не хватало. И это нечто означало для него все. Этим нечто была Анна. Долгое время мысли о ней ни на миг не оставляли его. Ее образ возникал тысячу раз в день, когда он уходил на работу, когда входил в палаты к больным и выходил оттуда, когда шел в операционную или к своей машине в конце дня. И каждый раз, когда он подходил к дому, как будто нож вонзался ему в сердце. При мысли, что ее там нет.

Прошло больше года, и боль притупилась, но так и не прошла. Питер подозревал, что эта боль не уйдет никогда. Единственное, на что он был способен, – это продолжать работать, отдавать все, что мог, людям, обращавшимся к нему за помощью... и потом были еще Мэтью, Марк и Пам. Слава богу, что у него остались они. Без них он ни за что бы не выжил. Но он выжил. Он жил до сих пор и будет продолжать жить... но как все изменилось... без Анны...

Он сидел в тишине послеоперационной палаты, вытянув ноги, с напряженным выражением следя за дыханием Салли... и наконец она на мгновение открыла глаза и смутным взглядом обвела палату.

– Салли... Салли, это я, Питер Галлам... Я здесь, и с тобой все в порядке. – «Пока». Но он не сказал ей этого, он запрещал себе даже думать о худшем. Она жива. Она все перенесла хорошо. Она будет жить. Он сделает все возможное, чтобы она выжила.

Он просидел еще час у ее постели, наблюдая за ней и заговаривая всякий раз, когда Салли приходила в сознание, и даже добился от нее слабой, еле уловимой улыбки. Около часа дня Питер заглянул в кафетерий, чтобы слегка перекусить, и ненадолго зашел в свой офис, прежде чем вернуться в больницу на обход пациентов в четыре часа, а в половине шестого уже ехал домой, снова вспоминая Анну. Ему все еще трудно было смириться с мыслью, что дома его никто не ждет. «Когда же я перестану надеяться снова увидеть ее? – спросил он как-то своего друга полгода назад. – Когда окончательно пойму, что ее больше нет?» Страдания последних полутора лет оставили свой отпечаток на его лице. Раньше его лицо выражало только силу и уверенность в том, что ничего плохого никогда не случится. У него было трое прекрасных детей, идеальная жена, карьера, которая редко кому настолько удавалась. Он прекрасно добрался до вершины, без особых сложностей, и ему нравилось там. А что теперь? Куда ему идти и с кем?

Глава 2

В то время как Салли Блок лежала в своей палате в отделении интенсивной терапии в центральной городской больнице Лос-Анджелеса, на телестудии в Нью-Йорке все было залито особым светом. Он казался ослепительно-белым, напоминая камеры для допросов в фильмах о войне. В не освещенных прожекторами углах павильона было прохладно и гуляли сквозняки, но в центре, где соединялись лучи, казалось, что у вас натягивается кожа от жары и слепящего света. Создавалось ощущение, что все в помещении сфокусировалось на объекте, попавшем в луч прожектора, усиливаясь с каждым мгновением. Людей тоже притягивало в центр луча, в эту узкую полоску, на островок сцены, к безликому коричневому столу и ярко-голубому заднику с единственным начертанным на нем словом. Но взгляд оставался не на этом слове, а на пустом кресле, похожем на трон, ждущий своего короля или королеву. Вокруг слонялись техники, операторы, гримеры, парикмахер, два помощника режиссера-постановщика, режиссер, любопытные, важные, необходимые и просто зеваки, стоящие всегда ближе всех к пустой сцене, пустому столу, на который был направлен пронзительный луч прожектора.

– Пять минут!

Это был знакомый призыв, обычная сцена, тем не менее выпуск вечерних новостей в некотором роде походил на шоу-бизнес. В белом свете прожекторов витала легкая аура цирка, магии и знаменитостей. И сердца начинали учащенно стучать при звуке слов: «Пять минут! Три! Две!» Такие же слова можно услышать в коридоре за сценой на Бродвее или в Лондоне, когда выплывала какая-нибудь примадонна на сцену. Здесь не было такого величия; команда стояла в кроссовках и джинсах, однако здесь тоже присутствовали своя магия, взволнованный шепот, ожидание, и Мелани Адамс всем своим существом ощущала это, решительно ступая на подмости. Как всегда, ее появление было отточено до совершенства. До выхода в эфир у нее оставалось ровно сто секунд. Сто секунд, чтобы еще раз просмотреть свои заметки, бросить взгляд на лицо режиссера, нет ли чего-нибудь экстренного, о чем ей следует знать, и сосчитать про себя до десяти, чтобы успокоиться.

Как обычно, это был долгий день. Она закончила репортаж о детях, ставших жертвами насилия. Тема была не из приятных, но Мелани прекрасно справилась с ней. К шести часам усталость начинала сказываться. Пять... Пальцы помощника режиссера показывали последний отсчет... Четыре... три... две... одна...

– Добрый вечер. – Отработанная улыбка никогда не казалась натянутой, а волосы цвета коньяка блестели в свете софитов. – Вас приветствует Мелани Адамс с вечерними новостями.

«Президент выступил с речью, в Бразилии произошел военный переворот, акции на бирже резко упали, а на местного политического деятеля сегодня утром было совершено нападение, когда он выходил из своего дома». Были и другие новости, передача, как всегда, шла без заминки. В облике Мелани чувствовалась убедительная компетентность, дававшая ей прекрасный рейтинг и объяснявшая ее огромную популярность. Она была известна всей стране уже более пяти лет, хотя мечтала совсем о другой карьере. Она изучала политологию, когда в девятнадцать лет была вынуждена бросить колледж из-за рождения близнецов. Казалось, с тех пор прошло столько времени. Телевидение уже давно стало ее жизнью. И еще близнецы. Было у нее и кое-что еще, но работа и дети всегда оставались на первом месте.

По окончании выхода в эфир она собрала со стола свои заметки, режиссер, по обыкновению, остался доволен передачей.

– Прекрасное выступление, Мел.

– Спасибо.

Она держалась слегка отчужденно; раньше этим она прикрывала свою застенчивость, а теперь это вошло в привычку. Вокруг нее крутилось слишком много любопытных, желавших поглазеть или задать бесцеремонные вопросы. Теперь она была Мелани Адамс, и в этом имени таилась некая магия.

«...Я знаю вас... Я видел вас в новостях...» Сейчас казалось странным ходить по магазинам за продуктами или за новой одеждой, или даже просто прогуливаться с дочками по улице. Люди оборачивались ей вслед, и, хотя внешне Мелани Адамс всегда выглядела сдержанной, в душе она испытывала неловкость.

Мел направилась в свой кабинет, чтобы снять лишний грим и забрать перед уходом сумочку, когда редактор передачи остановил ее резким взмахом руки.

– Можешь задержаться на секунду, Мел? – Он, как обычно, выглядел взбудораженным, и Мелани заворчала про себя. «Задержаться на секунду» могло означать что угодно и продержать ее весь вечер на студии. Обычно, кроме выступления в вечерних новостях, она рассказывала о главных событиях дня, о сенсационных происшествиях или вела экстренные выпуски. Одному богу известно, что они припасли для нее на сей раз, а у нее явно не то настроение. Она стала хорошим профессионалом, и по ее внешнему виду редко можно догадаться, что она устала, но репортаж о детях – жертвах насилия вывел ее из строя, хотя благодаря гриму она выглядела подтянутой и оживленной.

– Что еще?

– Мне бы хотелось показать тебе кое-что. – Редактор вытащил кассету и вставил ее в видеомаягнитофон. – Мы транслировали это в час дня. Я подумал, что для вечерних новостей материала недостаточно, но ты можешь раскрутить эту тему.

Мел сосредоточила внимание на экране и увидела интервью с девятилетней девочкой, которой крайне необходима пересадка сердца, но до сих пор родителям не удалось найти для дочери донора. Соседи учредили специальный фонд для Патти Лу Джонс, милой чернокожей девчушки, вид которой с первого взгляда трогал душу. Мел почти сожалела, что увидела эту запись. Еще один человек, вызывающий сострадание, нуждающийся в заботе, которому никто не может помочь. Она испытывала те же чувства, работая над репортажем о детях, ставших жертвами насилия. Неужели ей не могут подбросить для разнообразия какой-нибудь громкий политический скандал? Зачем еще одна сердечная боль?

– Ну и что? – Она перевела взгляд на человека, убившего пленку.

– Я просто подумал, что ты могла бы сделать на этом серию интересных репортажей. Проследи немного за ее судьбой, посмотри, что ты можешь устроить для девочки. Кто из докторов вызовется помочь Патти Лу?

– О, ради бога, Джек... Почему это все сваливается на меня? Неужели я теперь вроде какого-то нового общества по защите детей?

Внезапно у нее появился усталый и раздраженный вид, а вокруг глаз обозначились мелкие морщинки. У нее был очень длинный день; она ушла из дома в шесть утра.

– Послушай, – он выглядел таким же уставшим, как и она, – из этого может получиться хороший материал. Мы можем помочь родителям Патти Лу найти для нее врача, проследить, как ей сделают пересадку. Мел, это же будет сенсация.

Она медленно кивнула. Из этого действительно может получиться хороший материал. Но чего это будет стоить!

– Ты уже говорил об этом с ее семьей?

– Нет, но я уверен, что они придут в восторг.

– Как знать? Иногда люди предпочитают сами заниматься своими проблемами. Возможно, им совсем не захочется демонстрировать Патти Лу в вечерних новостях.

– А почему бы и нет? Они же разговаривали сегодня с нами.

Мел снова кивнула:

– Почему бы тебе завтра не связаться с несколькими крупными кардиохирургами и послушать, что скажут они? Некоторым из них нравится быть на виду у публики, а потом ты сможешь связаться с родителями девочки.

– Я подумаю, что смогу сделать. Мне надо смонтировать материал о детях – жертвах насилия.

– Я считал, что ты уже закончила с этим сегодня. – Он вдруг нахмурился.

– Все закончено. Но мне хочется проследить, как это будет смонтировано.

– Черт побери. Это не твоя забота. Ты должна только готовить материал. Сюжет о Патти будет похлеще твоей передачи о детях – жертвах насилия.

Похлеще, чем поджечь спичками двухлетнего ребенка? Отрезать ухо четырехлетнему малышу? Бывали моменты, когда ей становилось тошно от работы над новостями.

– Подумай, что ты сможешь сделать, Мел.

– О'кей, Джек. Договорились.

«...Здравствуйте, доктор. Меня зовут Мелани Адамс, и я хотела спросить, не будете ли вы так добры сделать пересадку сердца девятилетней девочке... если можно бесплатно... и тогда мы могли бы приехать понаблюдать за ходом операции и показать вас и девочку во всех выпусках новостей...» Она торопливо шла к своему кабинету, задумчиво опустив голову, и вдруг столкнулась с высоким темноволосым мужчиной.

– Что-то ты сегодня нерадостная. – Глубокий, хорошо поставленный голос диктора заставил улыбнуться при виде старого друга.

– Привет, Грант! Что ты делаешь здесь в такое время? – Грант Бакли вел передачу в форме беседы, выходящую в эфир каждый вечер после ночного выпуска новостей, и считался одним из самых ярких полемистов. Ему очень нравилась Мел, и она многие годы считала его одним из самых близких своих друзей.

– Пришлось прийти пораньше, поискать кой-какие пленки для своей программы. А у тебя что? Ты слегка припозднилась, дружочек, не так ли?

Обычно к этому времени она уже уходила, но из-за истории с Патти Лу Джонс задержалась примерно на полчаса.

– Сегодня мне припасли еще одно испытание. Меня заставляют сделать репортаж о пересадке сердца одному ребенку. Обычная работа, ничего особенного.

Ее мрачные мысли рассеивались, когда она смотрела на него. Он был яркой личностью, хорошим другом, привлекательным мужчиной, и все женщины на студии завидовали их дружеским отношениям. Они были просто друзьями, хотя время от времени возникало множество неоправданных слухов, которые забавляли Гранта и Мел, когда они обсуждали эти пересуды, сидя в баре.

– Что еще новенького? Как удался специальный выпуск о детях?

Она серьезно посмотрела на него.

– Делать его было тяжело, но репортаж получился отличный.

– Ты умеешь выбирать нелегкую работу, дружочек.

– Скорее меня выбирают для такой работы, так же как с этой пересадкой сердца, которую мне надо организовать.

– Ты серьезно? – Сначала он подумал, что она шутит.

– Я – нет, но Джек Оуэнс – да. Может быть, ты что-нибудь посоветуешь?

Он на мгновение нахмурился, размышляя.

– В прошлом году я проводил встречу на эту тему, и там присутствовало несколько интересных личностей. Я просмотрю свои записи и найду их имена. Мне вдруг вспомнились два врача, но были еще двое. Я посмотрю, Мел. Когда они тебе нужны?

Она улыбнулась:

– Вчера.

Он взъерошил ей волосы, зная, что сегодня ей уже не придется выходить в эфир.

– Может, съедем в кафе по гамбургеру?

– Лучше не стоит. Мне надо спешить домой к дочкам.

– К твоим двойняшкам. – Грант закатил глаза. Он прекрасно знал девочек Мелани. У него у самого были три дочери от трех разных жен, но они не были такими искательницами приключений, как близнецы Мел. – Чем они сейчас занимаются?

– Как обычно. Вал влюбилась четыре раза за эту неделю, а Джесс вся в уроках. Их совместные усилия сводят на нет все мои попытки остаться рыжей, добавляя мне седины.

Мелани только что исполнилось тридцать пять, но она выглядела на десять лет моложе. Ей никак нельзя было дать ее возраст, несмотря на всю ответственность, лежавшую на ней, на то, что иногда на нее вваливали тяжелую работу, которую она, однако, любила, на все трудности, пережитые ею за все эти годы. Грант прекрасно знал ее жизнь, она не раз плакала ему в жилетку из-за неприятностей на работе или неудачной любовной связи. Их было не так уж много. Она проявляла осторожность в выборе знакомых и старалась не выставлять на всеобщее обозрение свою личную жизнь, но еще больше боялась влюбиться, после того как отец двойняшек бросил ее еще до их рождения. Они поженились сразу после окончания средней школы и поехали учиться в колледж в Колумбию, но, когда она сказала ему, что беременна, он не хотел даже слушать об этом.

– Избавься от ребенка. – У него было каменное лицо. Мел до сих пор помнила тон, которым он произнес эти слова.

– Нет. Это ведь наш ребенок... так нельзя...

– Ломать нам жизнь – намного хуже.

Но вместо этого он постарался сломать жизнь ей. Он уехал на каникулы в Мексику с другой девушкой, а вернувшись, объявил, что они разведены. Он подделал ее подпись на бланках, Мелани была настолько поражена, что потеряла дар речи. Ее родители хотели, чтобы она боролась и вернула его, но она решила, что не стоит этого делать. Своим поступком он глубоко обидел ее, и она была слишком потрясена перспективой остаться одной и родить ребенка... которых потом оказалось двое. Некоторое время родители помогали ей, а затем она стала самостоятельно пробивать себе дорогу в жизнь. Она изо всех сил пыталась найти работу и делала все, на что была способна. Работала секретарем, продавала витамины одной фирмы, которые она разносила по домам. В конце концов она устроилась на телестудию в отдел информационных программ, где занималась перепечаткой новостей.

Двойняшки тем временем росли. Хотя восхождение Мел не было ни быстрым, ни легким, но, день за днем печатая написанное другими, она поняла, чего хочет. Больше всего ее интересовали политические события, напоминая ей об учебе в колледже до того, как вся ее жизнь пошла кувырком. Больше всего ей хотелось стать тележурналистом. Она множество раз пыталась устроиться на эту работу, но в конце концов поняла, что в Нью-Йорке ей это не удастся. Она поехала сначала в Буффало, затем в Чикаго и наконец вернулась в Нью-Йорк, все-таки получив желанную работу. Но во время одной крупной забастовки руководство вдруг обратило на нее внимание, и кто-то указал ей пальцем на сцену. Мелани страшно испугалась, но у нее не оставалось выбора. Надо было делать то, что ей приказали, или ей грозило увольнение, а она не могла этого допустить. Ей надо было кормить дочек, отец которых не вложил в их воспитание ни цента, предоставив заботу о них Мел. И она справлялась. Им хватало на жизнь. Она не мечтала о славе, не стремилась сама рассказывать то, что писала, и вдруг она оказалась на экране телевизоров, и, как ни странно, ей это понравилось.

Ее направили в Филадельфию, затем ненадолго в Чикаго, а после этого в Вашингтон, и, наконец она вернулась домой. По их оценке, ее прилично поднатаскали, и они были правы. Властная и интересная, сильная и красивая, она прекрасно смотрелась на экране. Честность, страстность и ум порой затмевали ее красоту. В свои двадцать восемь лет она приблизи-

лась к вершине, прочно обосновавшись в вечерних новостях. В тридцать она разорвала контракт и перешла в другую программу и вдруг поняла, что это ее стихия, и здесь она бросила якорь, став комментатором вечерних новостей. Ее рейтинг стремительно возрос и с тех пор неуклонно повышался.

Она выкладывалась на работе, и ее репутация ведущего тележурналиста была заслуженной. Давно минули дни лишений и борьбы. Родители, которые были еще живы, гордились дочерью. Время от времени Мелани занимал вопрос, что думает отец двойняшек, жалеет ли он, что бросил их, если вообще вспоминает о них. Мелани больше ничего о нем не слышала. Но он оставил свой след в ее жизни, который с годами сгладился, но так и не исчез. Она была осторожна, боялась сблизиться с кем-либо, поверить до конца. Это привело ее к нескольким неудачным любовным связям. Мужчин привлекали ее красота и популярность, но своей отчужденностью она отпугивала поклонников. В последний раз ее любовником был женатый мужчина. Сначала он показался Мел идеалом. Он не требовал от нее многого. Она больше не собиралась выходить замуж. У нее было все, о чем она мечтала: успех, надежное положение, дочка, дом, который она любила.

– Зачем мне выходить замуж? – заявила она как-то Гранту, и он поддерживал ее скептическую точку зрения.

– Возможно, тебе это ни к чему, но, по крайней мере, найди себе неженатого мужчину. – Он говорил убежденно и настойчиво.

– Зачем? Какая разница?

– Разница, дружок, в том, что тебе придется проводить в одиночестве Рождество и праздники, дни рождения и выходные, а он в это время будет сидеть довольный со своей женой и детьми.

– Возможно, ты и прав. Но для него я – деликатес. Икра, а не сметана.

– Ты заблуждаешься, Мел. Потом ты будешь страдать.

И он оказался прав. Ей причиняло боль именно то, чего он опасался. Разрыв был мучительным. Мелани несколько недель ходила убитая горем.

– В следующий раз слушайся дядюшку Гранта. Я-то уж знаю.

Он действительно знал много, особенно с каким тщанием она возводила вокруг себя стены. Грант был знаком с ней почти десять лет. Они встретились, когда она еще только карабкалась наверх, но уже тогда он понял, что видит рождение новой яркой звезды на небосклоне телевизионных новостей, и заботился о ней как о человеке и как о друге. Он вел себя предупредительно, не желая испортить сложившихся между ними отношений. Он был трижды женат и имел множество подружек, с которыми любил коротать ночи, но Мел значила для него гораздо больше. Они стали друзьями. Он боялся потерять ее доверие. Ей довелось испытать горечь предательства, и Гранту совсем не хотелось вновь причинить ей боль.

– По правде говоря, детка, большинство мужчин – порядочные скоты, – признался он ей как-то поздно вечером, после того как Мелани приняла участие в его программе, которая имела огромный успех. А после этого они пошли выпить и засиделись «У Элейн» до трех часов ночи.

– Почему ты так решил?

В ее глазах появились отчужденность и настороженность. Несмотря на свой печальный опыт, она не разделяла его мнение.

– Потому, что лишь немногие отвечают добром на добро. Мужчины хотят, чтобы женщины любили их всем сердцем, при этом сами не тратят своих душевных сил. Тебе нужен человек, который любил бы тебя не меньше, чем ты его.

– Ты считаешь, что я еще способна на большую любовь? – Мелани постаралась сделать удивленный вид, но Грант не поддавался на это. Старая боль так и не оставила ее. И он сомневался, пройдет ли она вообще.

– Я слишком хорошо знаю тебя, Мел. Даже лучше, чем ты сама.

– По-твоему, я мечтаю найти достойного мужчину?

На сей раз она засмеялась, и он не сдержал улыбки.

– Ты этого до смерти боишься.

– Сдаюсь.

– Ты могла бы найти счастье.

– Зачем? Я и так счастлива.

– Глупости. Одиночество не приносит счастья.

– У меня есть двойняшки.

– Это не совсем то.

Она пожала плечами:

– Ты же счастлив в своем одиночестве.

Она попыталась заглянуть ему в глаза, не зная, что найдет в них, и была удивлена, прочтя в них тоску одиночества. Тоска, как оборотень, пряталась днем и вылезала наружу по ночам. Ничто человеческое не было чуждо даже блистательному Гранту.

– Если бы одиночество приносило радость, то я бы не женился три раза.

Они вместе посмеялись над этим, а потом он отвез ее домой, по-отечески поцеловав на прощание в щеку. Мелани неожиданно подумала о том, что они могли бы стать прекрасными любовниками, но она понимала, что это только испортило бы установившиеся между ними отношения, а им обоим этого не хотелось. Они дорожили этой дружбой.

А сейчас она смотрела на него, стоя в коридоре возле своего кабинета, уставшая, но обрадовавшаяся встрече с ним в конце этого долгого дня. Грант давал ей то, чего не мог дать никто другой. Двойняшки были еще малы и требовали постоянного внимания, любви, заботы.

– Я готова съесть с тобой по гамбургеру завтра вечером.

– Исключено. – Он с сожалением покачал головой. – У меня свидание с парочкой дураков.

– Ты самый отъявленный женоненавистник из всех, кого я знаю.

– Угу!

– И гордишься этим.

– Ты права.

Мелани улыбнулась и взглянула на часы.

– Мне пора домой, а то Ракель закроет дверь на засов и не впустит меня; она – настоящий деспот.

Эта экономка жила в их доме уже семь лет. Для девочек она стала просто находкой, но была очень строгой. Ей чрезвычайно нравился Грант, и она все эти годы пыталась убедить Мел сблизиться с ним.

– Передай Ракель пламенный привет.

– Я скажу ей, что задержалась по твоей вине.

– Ладно, а завтра я передам тебе список кардиохирургов. Ты будешь здесь?

– Разумеется.

– Я загляну.

– Спасибо. – Мелани послала ему воздушный поцелуй, и он отправился к себе, а она заскочила за сумкой в свой кабинет и мельком взглянула на часы. Уже половина восьмого, Ракель будет ворчать. Мел поспешила вниз, схватила такси, и через пятнадцать минут водитель свернул на Семьдесят девятую улицу.

– Я пришла! – крикнула она, проходя через прихожую, оклеенную обоями с нежными цветами, с белым мраморным полом. Каждый, кто переступал порог этого изысканного дома, ощущал приветливую атмосферу, царящую в нем. А от ярких красок, больших букетов

цветов, желтых и пастельных деталей интерьера сразу же поднималось настроение. Этот сугубо женский дом всегда изумлял Гранта. Мужчина, поселившийся здесь, захотел бы все переделать. В прихожей удивляла большая старинная вешалка для шляп, увешанная шляпами Мел и любимыми вещами, оставленными там девочками.

Гостиная была нежного персикового цвета, с глубокими диванами, обтянутыми шелком, которые так манили погрузиться в них; муаровые занавеси ниспадали мягкими складками, которые были подвязаны на французский манер; стены такого же нежного персикового оттенка украшали лепнина и изящные рисунки пастелью. Спальню Мелани отделала в нежно-голубых тонах и обставила мебелью, обтянутой муаровым шелком; столовая была белая, а кухня – желто-оранжевая с голубым. Дом излучал счастье, и по нему хотелось побродить. Элегантность обстановки не пугала, а вызывала ощущение уюта и покоя.

Дом был небольшой, но их он вполне устраивал. Мелани поняла это с первого взгляда и влюбилась в него.

Она быстро поднялась наверх к девочкам, чувствуя легкую боль в спине. День оказался очень длинным. Она не стала задерживаться возле своей комнаты, прекрасно зная, что ждет ее там: груда корреспонденции, которую ей не хотелось видеть, в основном счета за дочек, да и многое другое. Сейчас ее интересовало не это. Ей не терпелось увидеть двойняшек.

Обе двери на третьем этаже были закрыты, но музыка звучала настолько громко, что уже на середине лестницы у нее заколотилось сердце.

– О боже, Джесс! – воскликнула Мел, пытаясь перекричать грохот, рвущийся из магнитофона. – Убавь громкость.

– Что? – Высокая хрупкая рыжеволосая девочка, лежавшая на кровати, обернулась к двери. Повсюду валялись учебники, а она прижимала к уху телефонную трубку. Она махнула матери и продолжила разговор по телефону.

– У тебя разве нет экзаменов?

В ответ на молчаливый кивок лицо Мелани помрачнело. Джессика всегда была серьезнее сестры, но в последнее время ей наскучила школа. Ей надоели занятия, и роман, который длился почти год, закончился, но это не могло служить оправданием; сейчас надо было еще усерднее готовиться к экзаменам.

– Заканчивай разговор, Джесс. – Мелани стояла, прислонившись к письменному столу, скрестив руки, и Джессика слегка забеспокоилась, буркнула что-то невнятное в трубку и положила ее, глядя неодобрительно на мать.

– Теперь выключи магнитофон.

Джессика спустила с кровати длинные, как у жеребенка, ноги и пошла к стереомагнитофону, отбросив на плечи копну длинных, с медным отливом волос.

– Я просто сделала перерыв.

– Надолго?

– О ради бога! Что мне прикажешь теперь делать? Завести секундомер?

– Так нечестно, Джесс. Ты можешь проводить свое время как захочешь. Но дело в том, что твои оценки...

– Знаю, знаю. Сколько я должна выслушивать это?

– Пока ты их не исправишь. – Мелани сделала вид, что слова дочери не произвели на нее впечатления. Джессика стала вспыльчивой по окончании романа с молодым человеком по имени Джон. Скорее всего именно это повлияло на ее оценки, ведь у Джессики это первое увлечение. И Мелани чувствовала, что все уже становится на свои места. Ей просто не хотелось выпускать Джессику из-под своего контроля, пока не убедится в этом окончательно. – Как провела день? – Она обняла дочь за плечи и погладила по волосам. Музыка оборвалась, и в комнате воцарилась необычная тишина.

– Нормально. А ты?

– Неплохо.

Джессика улыбнулась и при этом стала очень похожа на Мелани в детстве. Она была более угловатой, чем мать, и на два дюйма ее выше, но ей передались многие черты матери, что создавало между ними редкостную духовную близость. Иногда они понимали друг друга без слов. А в иные моменты именно их схожесть становилась причиной разногласий между ними.

– Я видела в вечерних новостях твой репортаж о защите прав инвалидов.

– Ну и как, по-твоему? – Ей всегда нравилось выслушивать мнение дочерей, особенно Джессики. Она высказывалась разумно и откровенно, не в пример своей сестре, которая была намного добрее и мягче и менее критична.

– Мне он показался хорошим, но недостаточно жестким.

– Тебе трудно угодить. И спонсорам тоже.

Джессика пожала плечами, встретившись взглядом с матерью, и улыбнулась.

– Ты учила меня критически воспринимать услышанное и требовательно относиться к новостям.

– Разве? – И обе улыбнулись. Она гордилась Джесс, а та, в свою очередь, гордилась матерью. Дочери считали ее потрясающей женщиной. Они втроем пережили трудные годы, и это сблизило их.

Мать и дочь еще раз обменялись долгим взглядом. У Мелани выражение было чуть мягче, чем у старшей дочери. Но та была из другого поколения, из другой жизни, из другого мира. А для своего времени Мелани зашла весьма далеко. Но Джессика пойдет дальше, даже более решительно, чем Мел.

– Где Вал?

– В своей комнате.

Мелани кивнула.

– Как дела в школе?

– О'кей.

Но ей показалось, что Джессика слегка помрачнела при этом вопросе и, как бы уловив мысли матери, вновь подняла глаза на Мелани.

– Сегодня я видела Джона.

– Ну и как?

– Обидно.

Мелани кивнула и присела на кровать, радуясь откровенности их отношений.

– Что он сказал?

– Только «привет». Я не знаю точно, но слышала, что он встречается с другой девушкой.

– Это непорядочно. – Они расстались почти месяц назад, и Мелани знала, что для Джессики это был первый настоящий удар, с тех пор как она пошла в школу. Она всегда хорошо училась, у нее было много друзей, а с тринадцати лет за ней бегали все лучшие мальчики в школе. В шестнадцать лет она пережила первую сердечную драму, и Мелани с болью в сердце наблюдала, как переживает дочь; она страдала почти так же, как и Джесс. – Но ты ведь знаешь, хоть сейчас и забыла, что иногда он действовал тебе на нервы.

– Разве? – Джессика удивилась.

– Да, мэм. Помнишь, он появился с опозданием на час, когда вы собирались пойти на танцы? А когда он поехал кататься на лыжах с друзьями вместо того, чтобы сводить тебя на футбольный матч...

Казалось, Мелани помнила все мелочи, так как прекрасно знала, чем живут ее девочки, и Джессика усмехнулась.

– Ладно, ладно, значит, он подлец... и все же он мне нравится...

– Он или просто чтобы кто-то был рядом с тобой?

На мгновение в комнате воцарилась тишина, и Джессика с изумлением уставилась на мать.

– Знаешь, мам... я не уверена. – Она была поражена. Неопределенность явилась для нее откровением.

Мелани улыбнулась:

– Не надо чувствовать себя одинокой. Люди часто сближаются из-за страха перед одиночеством.

Джессика взглянула на нее, слегка наклонив голову. Она знала, насколько непреклонными были взгляды матери на жизнь, как она страдала, как боялась увлечься человеком, а потом обмануться в нем. Иногда Джесс становилось жаль ее. Матери нужен кто-нибудь. Когда-то давно она надеялась, что этим человеком станет Грант, но потом поняла, что этому не суждено сбыться. Но прежде чем она смогла что-то добавить, открылась дверь и вошла Валерия.

– Привет, мам. – Затем увидела серьезные выражения их лиц. – Мне уйти?

– Нет. – Мелани поспешно покачала головой. – Привет, милая.

Валерия, наклонившись, поцеловала ее и улыбнулась. Она была совсем не похожа на Мелани и Джесс, и их родственные узы вызывали сомнение. Ростом она была ниже матери и сестры, но отличалась такой обольстительной фигурой, что мужчины оборачивались ей вслед. У нее была красивая пышная грудь, узкая талия, небольшие округлые бедра, прекрасной формы ноги, а водопад светлых волос струился почти до талии. Иногда Мелани замечала реакцию мужчин и внутренне содрогалась. Даже Грант поразился, недавно увидев ее.

– Ради бога, Мел, надень чадру на этого ребенка и не снимай, пока ей не исполнится двадцать пять, а то все соседи сойдут с ума.

– Думаю, чадра здесь не поможет.

Она не спускала глаз с Валерии и следила за ней больше, чем за Джесс, поскольку с первого взгляда было видно, что Валерия чересчур доверчивая и наивная. Она была умной девочкой, но не настолько сообразительной, как сестра. Ее очарование заключалось в том, что она почти не осознавала своей красоты. Она радостно влетала в комнату с беззаботностью трехлетнего ребенка, поражая мужчин своим появлением, а затем беспечно уносилась куда-то по своим делам. Джессика всегда присматривала за ней в школе, а с недавних пор еще усерднее. Она понимала, какую опасность таит в себе красота Валерии, так что за Валерией следили как бы две матери.

– Мы видели тебя сегодня в вечернем выпуске новостей. Ты была потрясающая. – Но, не в пример Джессике, она не рассуждала почему, не анализировала, не критиковала, и самое забавное – ум Джессики делал ее едва ли не привлекательнее красавицы сестры. А вместе они представляли собой великолепную пару: одна – рыжеволосая, высокая и стройная; другая – такая аппетитная, нежная блондинка.

– Ты сегодня ужинаешь с нами?

– Конечно. Я отказалась поужинать с Грантом, чтобы только побыть с вами.

– Почему ты не пригласила его к нам? – Валерия мгновенно погрузилась.

– Потому что иногда мне нравится провести вечер в вашем обществе. С ним я могу увидеться в другой раз.

Вал пожалала плечами, а Джессика кивнула, в этот момент Ракель позвонила по внутреннему телефону. Вал первая схватила трубку и сказала:

– Ладно. – Затем повернулась к матери и сестре: – Ужин ждет нас, а Ракель мечет икру.

– Вал! – Мелани сделала недовольный вид. – Не смей так выражаться.

– А почему? Так все говорят.

– Это не причина, чтобы ты так изъяснялась.

Они спустились вниз, обсуждая на ходу прошедший день. Мел рассказала им о подготовленном репортаже о детях – жертвах жестокого обращения и даже о Патти Лу Джонс, которой нужна пересадка сердца.

– И как же ты думаешь осуществить это, мам? – Джесс заинтересовалась. Ей нравились подобные истории, и она считала, что ее мать великолепно справляется с такими проблемами.

– Грант пообещал помочь мне. В прошлом году он делал передачу о четырех крупных специалистах, занимающихся пересадкой сердца, а кое-что подскажут сотрудники службы поиска доноров.

– Из этого должен получиться хороший репортаж.

– А мне все это кажется отвратительным. – Вал сделала соответствующую гримасу, когда они входили в столовую.

Ракель набросилась на них.

– Вы считаете, я должна ждать вас всю ночь? – недовольно проворчала она и пулей вылетела из столовой, а троица обменялась улыбками.

– Если она не пожалуется на что-нибудь, она просто сойдет с ума, – шепнула им Джессика, и они засмеялись, но, чтобы доставить Ракель удовольствие, приняли вид, полный раскаяния, когда она вернулась с блюдом жаркого.

– Выглядит аппетитно, Ракель! – поспешила выразить восторг Вал, первой накладывая себе мясо.

– Хм. – Ракель снова выскочила из столовой, на сей раз вернувшись с жареной картошкой и брокколи, приготовленной на пару; и все трое приступили к тихому домашнему ужину. Дом был единственным местом в жизни Мел, где она могла полностью отвлечься от работы.

Глава 3

– Салли... Салли... – Весь день она то приходила в себя, то вновь теряла сознание. Питер Галлам раз пять или шесть заглядывал к ней. Шел только второй день после операции, и пока трудно было предсказать судьбу девушки. Ее вид внушал Питеру опасения. Наконец она открыла глаза и, узнав его, слабо улынулась. Он придвинул стул, сел и взял ее за руку.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

– Неплохо, – еле слышно произнесла она.

Он кивнул.

– Прошло совсем немного времени. С каждым днем ты будешь чувствовать себя все лучше.

Казалось, что с помощью слов он хотел влить в нее свою силу, но Салли медленно покачала головой.

– Разве я когда-нибудь обманывал тебя?

Она снова повела головой и заговорила, несмотря на то, что неудобный зонд царапал ей заднюю стенку горла:

– Оно не будет работать.

– Если ты захочешь, все будет в порядке. – У Питера внутри все напряглось. Она не имеет права так думать. Не сейчас.

– Оно не приживется, – прошептала она.

Но он, сжав челюсти, упрямо замотал головой. Черт побери, почему она сдается?.. И откуда ей знать?.. Он весь день боялся именно этого. Она не должна отказываться от борьбы... не может... совсем как Анна... Почему они вдруг теряют желание бороться за свою жизнь? Для него это было самым худшим сражением. Хуже, чем наркотики, отторжения, инфекции. С ними можно было бороться хоть в какой-то мере, но только если у пациента осталось желание жить... вера, что он будет жить. Без этого борьба невозможна.

– Салли, у тебя все идет хорошо. – В словах звучали убежденность и сила. Питер больше часа просидел у постели девушки, держа ее за руку. Затем пошел на обход, заходя в каждую палату, уделяя столько времени, сколько требовалось для того, чтобы объяснить пациенту подробности будущей операции или недавно сделанной, помочь разобраться в своих ощущениях, успокоить страхи и вселить надежду. После обхода он вернулся в палату к Салли, но она снова спала, и Питер долгое время стоял, наблюдая за ней. Ему не нравилось ее состояние. Она оказалась права; он нутром чувствовал это. Ее тело отторгло сердце донора, хотя на это не было причины. Оно прекрасно подходило. Но инстинктивно Питер понимал, что оно появилось слишком поздно для Салли, и его охватило предчувствие надвигающейся утраты, которое свинцовым грузом давило на него.

Он прошел в небольшой бокс, которым пользовался в качестве кабинета, и позвонил в свой офис узнать, не нужен ли он там.

– Все в порядке, доктор, – произнес уверенный голос. – Вам только что звонили из Нью-Йорка.

– Кто? – спросил он бесстрастно. Возможно, звонил какой-нибудь хирург, желавший проконсультироваться по сложному случаю, но мысли Питера были заняты Салли Блок, и он надеялся, что там могут подождать.

– Мелани Адамс, из программы новостей четвертого канала телевидения.

Даже Питер знал, кто она, несмотря на свою погруженность в работу.

– Вы знаете зачем?

– Она не сказала, вернее, не объяснила подробно. Только упомянула, что это срочно и речь идет о маленькой девочке.

Он удивленно поднял брови, услышав это, даже у комментаторов телевидения могут быть дети, и возможно, дело касается ее собственного ребенка. Он записал оставленный ею номер телефона, взглянул на часы и набрал номер.

Его тотчас соединили, и Мелани бегом понеслась через всю студию к телефону.

– Доктор Галлам? – По голосу чувствовалось, что она задыхается, а на другом конце звучал глубокий и сильный голос Питера.

– Да. Мне передали, что вы звонили.

– Я не предполагала так быстро услышать вас. Наш справочный отдел дал мне ваши координаты. – Ей тоже доводилось слышать о нем, но, поскольку он жил на Западном побережье, Мел даже в голову не пришло позвонить ему, а те четверо, которых назвал ей Грант, отказались. Никто из них не хотел делать операцию чернокожей девочке. Их пугала такая реклама, к тому же они не желали работать без вознаграждения. Мелани позвонила также одному известному хирургу в Чикаго, но он уехал в Англию и Шотландию читать курс лекций. Она быстро рассказала Галламу о маленькой девочке, и он задал ей ряд конкретных вопросов, на которые она теперь могла ответить. За этот день она уже многое выяснила, поговорив с четырьмя другими врачами.

– Интересный случай. – Затем он спросил без обиняков: – А что в данном случае интересует вас?

Мел быстро вздохнула, это было трудно объяснить.

– По правде говоря, доктор, я должна сделать репортаж для телевидения о сострадавшем враче, о смертельно больной маленькой девочке и о том, как делают пересадку сердца и как оно потом работает.

– В вашей затее есть смысл. Правда, меня смущает реклама. К тому же очень трудно найти донора для ребенка. Скорее всего нам следует прибегнуть к несколько другим методам лечения.

– А именно? – заинтересовалась Мел.

– Это будет зависеть от состояния девочки. Сначала мне нужно будет осмотреть ее. Мы могли бы попытаться подлечить ее собственное сердце и вернуть его на место.

Мел сдвинула брови: это может вызвать сенсацию.

– Ваш метод помогает?

– Иногда. Она сможет перенести такую поездку? Что говорят ее врачи?

– Не знаю. Мне надо выяснить. А вы действительно готовы сделать эту операцию?

– Возможно. Но только ради девочки. – Он вновь высказался весьма прямолинейно, но Мел не могла упрекнуть его за это: он предлагал сделать операцию ребенку, а не устраивать спектакль для выпуска новостей, выступая в роли главного героя. Она прониклась к нему уважением.

– Вы дадите нам интервью?

– Да, – не колеблясь, произнес он. – Я просто хочу объяснить, почему я вообще берусь за это дело. Я – врач и хирург, взявший на себя конкретные обязательства, которые я выполняю. Я не собираюсь ни для кого устраивать цирк.

– Я и не пошла бы на это, тем более с вами.

Он видел ее репортажи по телевидению и был почти уверен, что она говорит правду.

– Но мне бы хотелось взять у вас интервью. А если вы сделаете пересадку сердца Патти Лу, это может послужить началом интересного репортажа.

– О чем? Обо мне? – Казалось, он был удивлен, как будто никогда прежде ему не приходила в голову подобная мысль, и Мел улыбнулась. Неужели он не понимал, насколько был известен в стране? Возможно, он настолько ушел в свою работу, что действительно не подозревал о своей славе. Или это его не волновало. Питер Галлам еще больше заинтересовал ее.

– О кардиохирургии и пересадках сердца вообще, если вам так больше нравится.

– Согласен. – Она почувствовала улыбку в его голосе.

– Это можно устроить. А теперь, как мы поступим с Патти Лу?

– Назовите мне фамилию ее врача. Я позвоню ему и выясню, что мы можем сделать. Если девочку можно оперировать, присылайте ее ко мне. – Внезапно ему в голову пришла еще одна мысль: – А ее родители согласны?

– Думаю, да. Но мне следует все-таки поговорить с ними. Я в этом деле выступаю в качестве посредника.

– Это видно. Но по крайней мере с добрыми намерениями. Я надеюсь, что нам удастся помочь девочке.

– Я тоже. – На мгновение воцарилась пауза, и Мел почувствовала, что каким-то чудом она нашла нужного человека и Патти Лу тоже. – Мне перезвонить вам или вы сами позвоните мне?

– У меня здесь сложный случай. Я свяжусь с вами. – И вдруг его голос вновь стал серьезным, как будто его что-то расстроило. Мел еще раз поблагодарила Питера, и он повесил трубку.

В тот день она побывала у Джонсов. Патти Лу оказалась веселой девочкой, а ее родители пришли в восторг даже от малейшего проблеска надежды. Их скудных сбережений оказалось достаточно для полета до Лос-Анджелеса одного из родителей, и на семейном совете было решено, что поедет мать. В доме было еще четверо детей, но мистер Джонс заверил жену, что сможет справиться сам. Растроганная такой заботой об их дочери, чета Джонс прослезилась, прощаясь с Мел, которая спустя два часа вернулась в свой кабинет. Снова позвонил доктор Галлам. Он поговорил с врачом Патти Лу, и, по их мнению, стоило предпринять эту поездку. У девочки это был последний шанс.

И Питер Галлам решил попытаться спасти малышку.

Слезы мгновенно навернулись на глаза Мел, повидавшей днем Патти Лу, и она произнесла слегка охрипшим голосом:

– Вы замечательный человек, доктор Галлам.

– Благодарю вас. – Он улыбнулся. – Как вы полагаете, когда вы сможете организовать ее прилет в Лос-Анджелес?

– Точно не знаю. Студия должна уточнить кое-какие детали. Какое время устроило бы вас?

– Судя по тому, что говорят ее доктора, медлить нельзя, думаю, завтра меня бы устроило.

– Я постараюсь. – Она взглянула на часы; приближалось время выпуска новостей. – Я позвоню вам через несколько часов... и, доктор Галлам... спасибо...

– Не стоит благодарности. Это часть моей работы. И я надеюсь, что мы оба это понимаем. Я сделаю операцию ребенку бесплатно, но в операционной не будет телекамеры. А вы получите от меня интервью после операции. Согласны?

– Согласна. – Потом Мел не удержалась и спросила: – Не могли бы вы рассказать нам о некоторых других случаях?

– Для чего? – Теперь в его голосе явно слышалась подозрительность.

– Мне бы очень хотелось сделать репортаж о трансплантации сердца, раз уж я окажусь там с вами, доктор. Хорошо? – Она опасалась, что у него могло сложиться о ней предвзятое мнение. Возможно, ему не нравилось, как она вела выпуски вечерних новостей. Ведь они транслировались и в Калифорнии. Но ее страхи оказались напрасными.

– Конечно.

На мгновение воцарилось молчание, затем он задумчиво заговорил:

– Странно думать о человеческой жизни, как о теме для репортажа. – Он вспомнил Салли. Она не была «объектом для репортажа», эта двадцатидвухлетняя девушка, так же, как и чернокожая малышка из Нью-Йорка.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но после стольких лет работы мне трудно думать так об этом. – Мелани глубоко вздохнула, подумав, не кажется ли она ему черствой. Иногда ее работа требовала жесткого подхода к некоторым вещам. – Я свяжусь с вами позже и сообщу, когда мы вылетаем.

– Я все подготовлю здесь к ее прибытию.

– Благодарю вас, доктор.

– Это моя работа, так что не стоит благодарности, мисс Адамс.

Она задумалась над его словами. Спасать жизнь людей – более благородная миссия, чем вести программу вечерних новостей. Менее чем за час Мелани договорилась обо всем, начиная от «Скорой помощи» от дома Джонсов до аэропорта, специального обслуживания на борту самолета, медсестры, которая поедет с ними за счет телестудии, телевизионной бригады, которая будет сопровождать их от самого дома до Калифорнии, о такой же бригаде, которая продолжит работу с ними в Лос-Анджелесе, о номерах в гостинице для себя, телевизионной бригады и для матери Патти Лу. Оставалось только известить Питера Галлама. Его не оказалось на месте, когда она позвонила ему несколько часов спустя. Ей пришлось передать для него сообщение через секретаря. И в тот вечер она сказала двойняшкам, что на несколько дней уедет в Калифорнию.

– Зачем? – как всегда, первой спросила Джессика, и Мел все объяснила девочкам.

– Ой, мам, ты превращаешься в постоянную «службу скорой помощи». – Вал это явно забавляло, и Мелани с усталым вздохом повернулась к ней.

– Сегодня и у меня тоже такое же ощущение. Но должен получиться хороший репортаж. – Опять это слово «репортаж», когда речь идет о человеческой жизни. А что, если бы на месте этой девочки оказались Валерия или Джесси? Что бы она тогда чувствовала? Она внутренне содрогнулась при этой мысли и снова поняла реакцию Питера Галлама. Ее волновала предстоящая встреча с ним, окажется ли он приятным человеком, с которым легко работать, или эгоцентричным. По телефону он не показался ей таковым, но она знала, что большинство кардиохирургов пользовались подобной репутацией. И все же он представлялся ей другим. Она еще не видела его, но он уже понравился ей и вызвал у нее глубокое уважение, откликнувшись на просьбу помочь Патти Лу Джонс.

– У тебя усталый вид, мам. – Она заметила, что Джессика смотрит на нее.

– Я действительно устала.

– Во сколько ты завтра уезжаешь? – Они уже привыкли к ее творческим командировкам и в ее отсутствие прекрасно ладили с Ракелью. Она всегда оставалась с ними, когда Мел уезжала, поездки, как правило, были непродолжительными.

– Я должна выехать из дома в половине седьмого. Наш рейс в девять утра, но мне надо встретить бригаду телеоператоров у дома Джонсов. Думаю, придется встать в пять.

Обе девочки состроили гримасы, и Мел улыбнулась, глядя на них.

– Вот именно. Не всегда моя работа так романтична, как кажется, да, девочки?

– Можешь не повторять, – быстро ответила Вал. Обе девочки знали, какой тяжелой была ее работа, как часто она в метель мерзла у Белого дома, как делала репортажи об ужасных событиях в далеких джунглях, о политических убийствах и других страшных происшествиях. Они обе еще больше уважали ее за это, но ни одна из них не завидовала тому, что она делала, и не стремилась к такой карьере. Вал думала только о том, чтобы выйти замуж, а Джесс мечтала стать врачом.

После ужина Мел поднялась с ними наверх, уложила сумку для поездки на Западное побережье и рано легла спать. Но, как только она выключила свет, ей позвонил Грант и поинтересовался, как сработал его список докторов.

– Никто из них не захотел помочь, но справочный отдел дал мне номер телефона Питера Галлама. Я позвонила ему в Лос-Анджелес, и мы все летим туда завтра утром.

– Ты и ребенок? – удивленно спросил он.

– И ее мать, и медсестра, и телевизионная бригада.

– Целый цирк.

– Думаю, Питер Галлам почувствовал то же самое. Он даже употребил это же слово.

– Я удивлен, что он согласился прооперировать девочку.

– Судя по голосу, он приятный человек.

– Да, так говорят. Он явно не нуждается в рекламе, хотя и не лезет вперед, как другие.

Но кому что нравится. Он разрешил тебе заснять операцию?

– Нет. Но пообещал потом дать мне интервью, и, как знать, может быть, он передумает, когда мы окажемся там.

– Возможно. Позвони мне, детка, когда вернешься, и постарайся ни во что не ввязываться. – Это было его обычное предупреждение, и она улыбнулась, выключая свет.

А на другом конце страны Питер Галлам не улыбался. У Салли Блок началось обширное отторжение донорского сердца, и через час она впала в глубокую кому. Он почти не отходил от нее до полуночи, покидая палату только для того, чтобы поговорить с ее матерью, и в конце концов разрешил убитой горем женщине посидеть у постели Салли. Отказывать ей в этом уже не было оснований. Боязнь занести инфекцию больше не имела смысла, и в час ночи Салли Блок скончалась, не приходя в сознание и не увидев в последний раз свою мать и врача, которому она так доверяла. Питер Галлам подписал свидетельство о смерти и поехал домой, где долго сидел в своем кабинете в полной темноте, думая о Салли, и об Анне, и о других, подобных им. Он по-прежнему сидел в кабинете, когда двумя часами позже Мел вышла из дома и направилась к Джонсам. В тот момент Питер Галлам даже не думал о Патти Лу или о Мелани Адамс... только о Салли... красивой девушке... ушедшей навсегда... умершей... как Анна... и как многие другие. А затем, ощущая неимоверную усталость, он очень медленно поднялся в свою спальню, закрыл дверь и молча опустился на кровать.

– Простите меня... – Он прошептал эти слова, не зная точно, к кому обращался: к своей жене... к своим детям... к Салли... к ее родителям... или к самому себе... И тогда пришли слезы, мягко падавшие на подушку, а он лежал в темноте, сожалея в душе о том, что не смог сделать в этот раз... И тогда он наконец вспомнил о Патти Лу. Ему ничего не оставалось, как попытаться еще раз. И что-то в глубине души шевельнулось при мысли об этом.

Глава 4

Мел, телевизионная бригада, Патти Лу, медсестра и мать Патти удобно устроились в отдельном салоне первого класса на борту самолета, вылетевшего из аэропорта имени Кеннеди. Патти лежала под капельницей под наблюдением высококвалифицированной медсестры. Ее порекомендовал врач, лечивший Патти Лу, и Мел молила Бога, чтобы ничего плохого не случилось в дороге. Она знала, что, долетев до Лос-Анджелеса, девочка окажется в опытных руках доктора Питера Галлама, но до этого в голову Мел лезли кошмарные мысли. Вдруг им придется сделать вынужденную посадку в Канзасе из-за умирающего ребенка, у которого остановилось сердце. Но полет прошел прекрасно, а в Лос-Анджелесе по распоряжению доктора Галлама их уже ждали два врача из его бригады и машина «Скорой помощи». Патти Лу с ее матерью сразу же отвезли в центральную городскую больницу. По предварительной договоренности с доктором Галламом Мелани не должна сопровождать их. Он хотел дать ребенку время привыкнуть к новой обстановке, согласился встретиться с Мел в кафетерии на следующее утро в семь часов. Тогда он кратко расскажет ей о состоянии Патти Лу и о методах ее лечения. Мел разрешили захватить блокнот и магнитофон, но телевизионной бригаде запретили присутствовать при этой встрече. Официальное интервью будет позже. Мелани с радостью поехала в гостиницу, позвонила двойняшкам в Нью-Йорк, приняла душ, переоделась и пошла прогуляться, наслаждаясь приятным весенним воздухом, но ее мысли постоянно возвращались к Питеру Галламу. Ей не терпелось встретиться с ним, и на следующее утро в шесть часов она вскочила с постели и поехала во взятой напрокат машине в центральную городскую больницу.

Ритмично стуча каблуками по кафельному полу, Мелани повернула налево в конце бесконечного вестибюля и прошла мимо двух уборщиков со швабрами. Они оценивающе посмотрели ей вслед, пока она не остановилась перед кафетерием, прочитала надпись и запахнула двойные двери. Ей в ноздри ударил густой аромат свежесваренного кофе. Оглядев ярко освещенный зал, она удивилась, как много людей находилось там в столь ранний час.

За столиками сидели сестры, пившие кофе или завтракавшие между сменами, стажеры, заскочившие передохнуть, молодые врачи, заканчивающие долгую ночь горячим завтраком или бутербродом, и пара посетителей, сидящих в сторонке с печальными лицами, явно всю ночь прождавшие новостей о больных родственниках или друзьях, находящихся в критическом состоянии. Одна женщина тихо плакала, утирая платком слезы, в то время как женщина помоложе, тоже вытиравшая слезы, старалась успокоить первую. Сцена была полна контрастов: молчаливая усталость молодых врачей, веселье и болтовня медсестер, печаль и напряженность людей, посещавших пациентов, и за всем этим стук подносов и пар от машины, где мылась посуда. Это было похоже на оперативный центр странного современного города, на командный пункт межпланетного корабля, летящего в космическом пространстве, полностью оторванного от остального мира.

Оглядываясь вокруг, Мелани гадала, кто же из людей в белых халатах Питер Галлам. Там было несколько мужчин среднего возраста в накрахмаленных белых халатах, с серьезным видом обсуждавших что-то за кофе, но почему-то ни один из них не показался ей похожим на него, каким она его себе представляла, да и никто из них не двинулся ей навстречу. По крайней мере, он должен знать, как она выглядит.

– Мисс Адамс? – Она вздрогнула от звука голоса, раздавшегося прямо за ее спиной, и на одном каблуке развернулась лицом к нему.

– Да?

Он протянул сильную, прохладную руку:

– Я – Питер Галлам.

Пожимая руку, она смотрела на резко высеченное, красивое, с правильными чертами лицо мужчины с седыми волосами и голубыми глазами, излучавшими улыбку, не коснувшуюся его губ. Несмотря на разговоры по телефону, он оказался совсем не таким, каким она его представляла. Мысленно она нарисовала совсем другой портрет. В действительности он оказался намного выше, очень крепкого телосложения. Накрахмаленный белый халат, надетый поверх голубой рубашки, плотно облегал его плечи. По его виду можно было мгновенно догадаться, что в колледже он играл в футбол.

– Давно ждете?

– Вовсе нет.

Мелани последовала за ним к столику, слегка потеряв контроль над собой, что немного раздосадовало ее. Она привыкла сама производить впечатление на тех, с кем общалась, а сейчас ей казалось, что он просто ведет ее на поводке. Он обладал невероятной притягательной силой.

– Кофе?

– Да, пожалуйста.

Их взгляды встретились, и каждый заинтересовался, что найдет в другом: друга или врага, сторонника или противника. Но в данный момент их объединяло одно: Патти Лу, и Мел не терпелось спросить его о ней.

– Со сливками и с сахаром?

– Нет, спасибо. – Она сделала движение, собираясь встать с ним в очередь к прилавку, но он махнул рукой в сторону свободного стола.

– Не беспокойтесь. Я сейчас вернусь. Займите столик.

Он улыбнулся, и она почувствовала прилив нежности. Через минуту он вернулся с двумя чашками дымящегося кофе, с двумя стаканами апельсинового сока и тостами.

– Думаю, что вы еще не завтракали. – Он был славным и заботливым. Она сразу же почувствовала к нему расположение.

– Спасибо. – Мел улыбнулась ему, но больше не смогла удержаться от вопроса: – Как Патти Лу?

– Она прекрасно устроилась вчера вечером. Это смелая девочка. Ей даже не понадобилось присутствие мамы.

Но Мел подозревала, что это явилось следствием радушного приема со стороны Питера Галлама и его бригады, и она оказалась права. Душевное спокойствие пациентов играло для него самую важную роль, что было редким качеством у хирурга. Он провел несколько часов с Патти Лу после ее приезда, стараясь узнать ее как личность, а не просто ради сбора информации. После смерти Салли у Питера не было других больных в тяжелом состоянии, требовавших постоянного внимания, теперь все его мысли занимала только Патти.

– Каковы ее шансы, доктор? – Мел не терпелось услышать, что он думает, и она надеялась, что прогноз будет утешительным.

– Мне бы хотелось сказать, что ее шансы велики, но это не так. Полагаю, в данной ситуации более точным определением будет «неплохие».

Мел хмуро кивнула и отпила глоток кофе.

– Вы сделаете ей пересадку сердца?

– Если у нас появится донор, что маловероятно. Доноры для детей бывают крайне редко, мисс Адамс. Полагаю, моя первая мысль была правильной. Надо как можно лучше отремонтировать ее собственное сердце и, возможно, поставить клапан свиньи вместо сильно поврежденного.

– Клапан свиньи? – Мел слегка встревожилась.

Он кивнул:

– Да, думаю, что так, или клапан овцы.

Применение клапанов животных уже давно вошло в практику и стало обычным, по крайней мере у Питера.

– Когда?

Он вздохнул и прищурился, задумавшись, а она наблюдала за ним.

– Сегодня мы проведем ряд исследований и, возможно, завтра прооперируем.

– А она сможет перенести операцию?

– Думаю, да.

Они встретились взглядами и долго смотрели друг на друга. В этом деле никто не давал гарантий. Нельзя было предсказать победу, прогнозировать можно только поражение. С этим трудно было мириться день за днем, и ее восхищало то, что он делал. Мелани так и подмывало сказать ему это, но ей показалось, что такое признание прозвучит сейчас неуместно, поэтому она промолчала и вернулась к разговору о Патти Лу и о репортаже. Спустя некоторое время Питер испытующе посмотрел на Мел. Она проявляла такое искреннее участие в судьбе девочки. Она была не просто репортером.

– Почему вас так заинтересовал этот случай, мисс Адамс? Еще один репортаж или нечто большее?

– Она – особенная девочка. За нее трудно не волноваться.

– Вы всегда так заботитесь о людях, попадающих в ваше поле зрения? Это, должно быть, выматывает?

– А с вами разве не так? Вы ведь переживаете за всех своих пациентов, доктор?

– Почти всегда. – Он говорил с ней откровенно, и ему нельзя было не поверить. Вероятно, пациенты, за которых он волновался в меньшей степени, составляли крайне редкое исключение. Она уже почувствовала это. Затем он, улыбаясь, с любопытством посмотрел на нее; она наблюдала за ним, положив руки на колени. – Вы не захватили блокнота. Значит ли это, что вы записываете нашу беседу на магнитофон?

– Нет. – Она спокойно покачала головой и улыбнулась. – Не записываю. Мне хотелось, чтобы мы могли получше узнать друг друга.

Такая возможность заинтриговала его, и он не смог удержаться от следующего вопроса:

– Зачем?

– Потому что так я смогу лучше подготовить репортаж. Не на бумаге, не с помощью магнитофонной записи, а просто наблюдая, слушая, узнавая вас.

Она была мастером в своем деле, настоящим профессионалом, и он почувствовал это. Питеру Галламу понравилось, что в лице Мелани он видит достойного себе оппонента, и это возбуждало его; и неожиданно он предложил ей то, чего не собирался делать.

– Хотите сейчас пойти со мной на обход? Просто ради интереса.

У нее засверкали глаза. Неожиданное приглашение польстило ей и вселило надежду, что она понравилась ему, а может быть, он уже начал доверять ей. Это имело большое значение для успешной подготовки любого репортажа.

– С удовольствием, доктор. – Она позволила себе взглядом выразить, насколько тронута этим предложением.

– Вы могли бы звать меня Питером.

– Если вы будете называть меня Мел.

Они обменялись улыбками.

– Договорились.

Вставая, он коснулся ее плеча, и она поднялась, радуясь представившейся возможности сопровождать его во время обхода. Она не могла и мечтать об этом и была признательна ему. Когда они выходили из кафетерия, он вновь с улыбкой обернулся к ней:

– На моих пациентов ваше появление здесь произведет большое впечатление, Мел. Я уверен, что они все видели вас по телевизору.

Это почему-то удивило ее, и она улыбнулась.

– Не уверена. – Мел отличалась скромностью, за которую люди, хорошо знавшие ее, подтрунивали над ней, особенно Грант и дочери.

Но на сей раз он засмеялся:

– Вы же понимаете, что вряд ли кто-то не знает вас. Пациенты с сердечными заболеваниями тоже смотрят программу новостей по телевизору.

– Я просто думаю, что телезрители не узнают меня в обыденной обстановке.

– Уверяю вас, узнают. – Он опять улыбнулся, и Мелани кивнула в ответ. Ему казалось странным, что за годы работы на телевидении она так и не осознала свою популярность. Он ожидал встретить совсем иного человека.

– Во всяком случае, доктор Галлам, – продолжала она, – здесь вы звезда.

– Вряд ли меня можно назвать звездой, Мел. – Он произнес это с серьезным видом. – Я просто работаю в прекрасном коллективе. Поверьте, мои пациенты придут в восторг, увидев вас, а не меня. – Он вызвал лифт, и они поднялись на шестой этаж и оказались среди группы врачей в белых халатах и медсестер с отдохнувшими лицами. Была пересменка.

– Знаете, мне всегда импонировали ваши взгляды и то, как вы ведете репортажи, – говорил он негромко, пока лифт останавливался на каждом этаже, и Мел заметила, что две медсестры украдкой поглядывают на нее. – В вашем подходе чувствуются прямота и честность. Полагаю, именно поэтому я пошел на это.

– Какими бы ни были ваши мотивы, я рада, что вы согласились. Патти Лу нужна ваша помощь.

Он кивнул, так как не мог не согласиться с Мел. Когда спустя несколько минут они расположились в его боксе на шестом этаже, он откровенно посмотрел на нее и постарался объяснить степень риска и опасность, связанные с пересадкой сердца. Он предупредил, что она вправе отказаться от репортажа, если у нее сложится отрицательное впечатление. Можно добиться важных результатов, рассказав все, ничего не скрывая от прессы, и, если ей удастся правильно отразить суть происходящего, она сможет положительно повлиять на общественное мнение, но ему показалось, что Мел поражена описанной им степенью риска и летальными исходами.

– Вы считаете, у меня может сложиться впечатление, что пересадка сердца вообще не нужна? Вы это хотите сказать, Питер?

– Такая реакция вполне возможна. Действительно, пациенты умирают после пересадки сердца, и довольно скоро. Мы даем им только шанс, причем иногда не слишком благоприятный. Риск велик, и в большинстве случаев шансы ничтожны, но они есть, и пациент решает сам. Некоторые не желают подвергаться такому испытанию и отказываются воспользоваться этой возможностью. Я с уважением отношусь к их решению. Но если они предоставляют мне право помочь им, то я стараюсь сделать все, что в моих силах. Я не выступаю за трансплантацию сердца всем больным: это было бы безумием. Но для некоторых это единственный выход, а в настоящее время мы стремимся найти новые подходы к решению проблемы. Мы не можем оперировать, пересаживая только сердца доноров: нам их требуется намного больше, поэтому мы ищем другие пути, а общественность противится этому процессу. Люди думают, что мы пытаемся взять на себя роль Бога, а это не так. Мы стараемся спасти жизнь людям и делаем все возможное, только и всего.

Питер встал, Мел поднялась следом за ним. Глядя на нее с высоты своего роста, он предложил:

– Скажите мне ваше мнение сегодня в конце дня, только не скрывайте, если не согласны с целями, которые мы преследуем. – Прищурившись, он посмотрел на нее: – Мне действи-

тельно интересно, что вы думаете. Вы умная женщина, не искушенная в этой области. Вы посмотрите на нашу работу свежим взглядом. – У него мелькнула еще одна мысль, когда они выходили из бокса. – Признайтесь, Мел, не сложилось ли у вас уже предвзятое мнение об этом? – На ходу он внимательно изучал выражение ее лица, она нахмурилась.

– Честно говоря, я еще не совсем уверена. Я думаю, что все, что вы делаете, имеет смысл. Но должна признаться, меня пугают отрицательные результаты, о которых вы говорили. Шансы на сравнительно долгую жизнь столь малы.

Он пристально посмотрел на нее.

– Срок, который может показаться неприемлемым для вас, возможно, может оказаться последним лучиком надежды для умирающей женщины, мужчины или ребенка. Для них даже еще два месяца... два дня... два часа жизни кажутся даром судьбы. Честно говоря, летальные исходы ужасают и меня. Но разве у нас есть выбор? В данный момент это самое лучшее, на что мы способны.

Она кивнула и последовала за ним в холл, думая о Патти Лу и наблюдая, как он стал читать истории болезни пациентов: лицо у него было сосредоточенным, брови насуплены; он задавал вопросы, рассматривая результаты исследований. Вновь и вновь Мел слышала названия лекарств, назначаемых пациентам после пересадки, чтобы предотвратить отторжение донорского сердца. Тогда она стала записывать для себя те вопросы, которые хотела задать ему, когда он освободится. О воздействии этих препаратов, какое влияние они оказывают на организм и на мозг пациентов.

Вдруг она заметила, что Питер Галлам встал и быстро двинулся через холл. Она сделала несколько шагов вслед за ним, но затем остановилась в нерешительности, и, как будто почувствовав ее замешательство, он внезапно обернулся к ней и махнул рукой.

– Пошли. – Он указал на стопку белых халатов, лежавших на каталке из нержавеющей стали, и дал ей знак взять халат, что она и сделала на бегу, догоняя Питера и стараясь натянуть халат. В руках у него были истории болезней; два стажера и медсестра почтительно следовали за ним. Рабочий день Питера Галлама начался. Он снова улыбнулся Мел и толкнул дверь в первую палату, в которой оказался пожилой мужчина. Две недели назад ему сделали шунтирование, и он заявил, что вновь чувствует себя молодым. Однако он не очень-то походил на юношу. У него был усталый, бледный, болезненный вид, но, выйдя из палаты, Питер заверил ее, что тот скоро поправится, и они перешли в следующую палату, где у Мел защемило сердце при виде маленького мальчика, лет пяти-шести, но на самом деле ему было уже десять. Он страдал врожденным пороком сердца и легких. Ужасные хрипы вырывались из его тщедушного тельца. Ему собирались произвести пересадку сердца и легких, но таких операций было сделано настолько мало, что врачи считали преждевременным оперировать маленького пациента, а пока принимались временные меры для поддержания его жизни. Мелани наблюдала, как Питер сел на стул возле его кровати и начал подробно расспрашивать мальчика. Она отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Выходя из палаты, Питер ласково коснулся ее плеча, желая утешить.

В следующей палате лежал мужчина, которому уже сделали пересадку сердца, но в организм пациента попала инфекция, представляющая большую угрозу для его жизни. Тяжело больных людей опасность подстерегала повсюду. Она таилась в их ослабленных телах и даже в воздухе. Еще один пациент находился в коматозном состоянии, и, быстро переговорив с медсестрой, Питер не стал задерживаться в этой палате. Они перешли к двум мужчинам с лунообразными лицами, которым была сделана трансплантация сердца около года назад. Мелани уже знала, что это побочный эффект стероидов, которые принимают больные. Но с этим можно было в конце концов справиться. Встреча с пациентами доктора Галлама еще больше убедила ее, насколько ничтожны их шансы на успех. Вернувшись в

бокс, Питер ответил на ее вопросы. Приближался полдень. Обход двадцати палат длился четыре часа.

– Шансы? – Питер взглянул на нее. – После пересадки сердца шестьдесят пять процентов пациентов имеют шанс прожить год. Так что, грубо говоря, двое из трех пациентов живут еще в течение года.

– А дальше?

Он вздохнул. Он ненавидел эти статистические данные. Они ежедневно сражались с ними.

– Ну, самое большое, что мы можем ожидать, – это пятьдесят на пятьдесят в течение пяти лет.

– А потом? – Теперь она делала пометки в блокноте, угнетенная статистикой.

– На сегодня это все. Пока мы не в силах добиться большего.

Он произнес это с сожалением, и они одновременно подумали о Патти Лу, мечтая, чтобы у нее оказалось шансов больше. Она имела на это право. Как и все остальные.

– Почему они так быстро умирают? – мрачно спросила Мел.

– В основном из-за отторжения в любой форме. Кроме того, мы сталкиваемся еще с одной большой проблемой – инфекциями, которым наши пациенты особенно подвержены.

– И вы ничего не можете сделать? – Как будто это зависело от него. Она приравнивала его к Богу, совсем как некоторые пациенты. Они оба знали, что это несправедливо. Просто ей хотелось, чтобы он на самом деле был всемогущим.

– Пока мы бессильны. Хотя некоторые новые препараты, возможно, изменят положение дел. В последнее время мы стали кое-что применять, и вполне вероятно, это поможет. Только вы должны помнить, – мягко обратился он к ней, как будто она была ребенком, – что без нового сердца у этих людей не было бы никаких шансов. Они понимают это и готовы пойти на все, если хотят жить.

– Что вы хотите сказать?

– Некоторые не хотят. Они просто не желают выносить все это.

Он кивнул в сторону историй болезни и откинулся на спинку кресла, держа в руке чашку с кофе.

– Для этого требуется большая выдержка.

Теперь она поняла еще кое-что. От него тоже требовалась огромная выдержка. Он был своего рода матадором, выходящим на ринг сражаться с быком по имени Смерть. Ее интересовало, как часто не оправдывались его надежды. И, словно прочитав ее мысли, он вдруг тихо произнес:

– Моя жена отказалась бороться за жизнь. – Он опустил глаза, а Мел смотрела на него, как будто ее пригвоздили к стулу. Что он сказал? Его жена? – У нее была первичная легочная гипертензия. Не знаю, слышали ли вы о такой болезни или нет. Она поражает легкие, а затем и сердце, и в таком случае требуется пересадка сердца и легких. Но к тому времени во всем мире были проведены только две подобные операции. Конечно, я не стал бы сам делать эту операцию, – он вздохнул и подался вперед, – ее прооперировал бы кто-нибудь из моих коллег, или мы могли бы отвезти ее к самому лучшему специалисту в мире, но она сказала «нет». Она хотела умереть такой, какой была, и не подвергать себя тем мучениям, через которые проходят, как она знала, все мои пациенты только для того, чтобы в любом случае умереть через полгода, год или два. Она спокойно встретила смерть.

Слезы заблестели у него на глазах.

– Я не встречал еще таких людей. – У него сорвался голос. Затем, справившись с волнением, он продолжил: – Это произошло полтора года назад. Ей было сорок два года. Вероятно, мы могли бы все изменить. Но ненадолго. – Теперь он заговорил профессиональным тоном: – В прошлом году я сделал две операции по пересадке сердца и легких. По весьма

понятным причинам я особенно серьезно отношусь к этому. Нет оснований сомневаться в успехе подобных трансплантаций. – Но для его жены было уже слишком поздно. И в душе он никогда не откажется от борьбы, как если бы у него был шанс убедить ее позволить ему попытаться спасти ее. Мел с состраданием наблюдала за ним, сочувствуя его горю.

– Сколько у вас детей? – осторожно спросила Мелани.

– Трое. Марку – семнадцать, Пам исполнится четырнадцать в июне, а Мэтью шесть. – Вспомнив о детях, Питер Галлам улыбнулся и взглянул на Мел. – Они все замечательные ребята, а Мэтью такой забавный малыш. – Он поднялся, тяжело вздохнув. – Им всем было нелегко, но тяжелее всех переживал смерть матери Мэтью. Пам в таком возрасте, когда она действительно нуждается в Анне, но у нее есть только я. Я стараюсь каждый день вернуться домой пораньше, но всегда возникает какая-нибудь непредвиденная ситуация. Чертовски трудно растить детей одному.

– Я знаю. У меня такая же проблема.

Он обернулся и посмотрел в глаза Мел, как будто не расслышал, что она сказала.

– Она могла бы по крайней мере дать нам шанс.

Голос Мел прозвучал очень мягко:

– Но скорее всего сейчас ее уже не было бы с вами. С этим, должно быть, очень трудно смириться.

Он медленно кивнул, с грустью глядя на Мел.

– Да. – А затем, спохватившись, что слишком сильно разоткровенничался, поспешно взял истории болезни, как будто желая хоть чем-то восстановить между ними границу. – Извините. Не знаю, зачем я рассказал вам об этом. – Но Мел не удивилась; люди часто раскрывали ей душу, просто на сей раз все произошло намного быстрее, чем обычно. Он попытался заглядывать все улыбкой. – Почему бы нам сейчас не навестить Патти Лу?

Мел кивнула, все еще глубоко тронутая его рассказом. В данный момент было трудно подыскать нужные слова утешения, и она почти обрадовалась возможности увидеть малышку.

Девочка заулыбалась, увидев их обоих, и это напомнило Мел причину ее приезда в Лос-Анджелес. Они немного поболтали с Патти Лу, и, прочитав результаты ее обследований, Питер остался доволен. Он по-отечески посмотрел на девочку.

– Знаешь, завтра у тебя будет грандиозный день.

– Да? – У нее широко раскрылись глазенки; она казалась одновременно обрадовавшейся и неуверенной.

– Мы хотим отремонтировать твое сердечко, Патти, чтобы оно было как новое.

– Тогда я смогу играть в бейсбол?

Мел и Питер улыбнулись.

– Ты этого хочешь?

– Да, сэр! – Она сияла от радости.

– Посмотрим. – Он ласково объяснил ей, какие процедуры будут делать ей завтра, осторожно, такими словами, которые она могла понять, и хотя девочка казалась встревоженной, но явно боялась не так сильно. И было видно, что ей очень понравился Питер Галлам. Она огорчилась, когда они направились к выходу. Питер взглянул на часы. Было уже половина второго.

– Как насчет ленча? Вы, должно быть, умираете от голода.

– Кажется, – улыбнулась она. – Но я так увлеклась всем происходящим, что забыла о еде.

Питер выглядел довольным.

– Я тоже.

Они вышли из больницы и направились к его машине.

– Вы всегда так много работаете? – поинтересовалась Мел. Питер удивился.

– В основном да. Остается мало свободного времени. Невозможно даже на день отрешиться от дел.

– А ваша бригада? Разве нельзя поделить обязанности?

– Конечно, так мы и поступаем. – Но по его тону она засомневалась в правдивости ответа. Создавалось впечатление, что он почти всю ответственность брал на себя и ему это нравилось.

– А как дети относятся к вашей работе?

Он задумался на мгновение, прежде чем ответить.

– Видите ли, я не знаю точно. Марк собирается заняться юриспруденцией, Пам каждый день меняет свои увлечения, особенно сейчас, ну а Мэтью, конечно, еще слишком мал, чтобы задумываться о том, кем он хочет стать, когда вырастет, хотя в прошлом году он решил, что будет слесарем-ремонтником. – Питер Галлам засмеялся. – Полагаю, я им и являюсь, не так ли? – Он усмехнулся, глядя на Мел. – Ремонтник. – Они вместе засмеялись, радуясь теплоту весеннему воздуху. Солнце пригревало, и Мелани заметила, что за стенами больницы он казался моложе. И почему-то вдруг она ясно представила его с детьми.

– Куда мы поедем обедать? – Он улыбался ей с высоты своего роста, чувствуя себя на удивление спокойно. Теперь их связывала дружба. Он открыл Мел свою душу и рассказал об Анне. И впервые за долгое время ему вдруг стало легко на сердце. Питеру захотелось отпраздновать свое преобразование, и Мел улыбнулась, почувствовав его настроение. Что-то в нем напоминало ей о том, как она подружилась с Грантом, но в то же время Мел ощущала, что испытывает нечто большее к этому человеку. Питер привлекал ее своей силой, мягкостью, ранимостью, открытостью, своей скромностью в сочетании с огромным успехом. Он был необычным человеком, а глядя на нее, Питер Галлам думал почти то же самое о ней. Он радовался, что пригласил ее на ленч. Они заслужили перерыв, славно поработав. Мел говорила себе, что это поможет при подготовке интервью.

– Вы хорошо знаете Лос-Анджелес? – поинтересовался он.

– Не очень. Когда я приезжала сюда в командировки, у меня никогда не хватало времени осмотреть город и спокойно поесть. – Питер улыбнулся, потому что и с ним случалось такое же. – Подозреваю, что вы обычно не выходите на ленч, ведь правда? – с улыбкой спросила Мелани.

– Изредка. Обычно я ем здесь. – Он махнул рукой в сторону больницы и остановился возле своей машины. Это был огромный, просторный серебристо-серый «Мерседес»-седан, удививший Мел. Машина явно не подходила ему, и он прочел ее мысли.

– Я подарил ее Анне два года назад. – Он произнес это тихо, но на этот раз в его голосе не было столько горечи. – В основном я езжу на маленьком «БМВ», но сейчас автомобиль в ремонте. А пикап я оставил нашей экономке и Марку.

– Экономка ладит с детьми? – Они ехали в сторону Вилширского бульвара.

– Прекрасно. Я бы просто растерялся без нее. Она немка и живет с нами с рождения Пам. Анна сама растила Марка, но, когда родилась Пам, у нее уже болело сердце, и мы наняли эту женщину в качестве няни на полгода, но с тех пор прошло уже четырнадцать лет. Она для нас просто дар божий, – он заколебался, но только на мгновение, – с тех пор, как умерла Анна. – Он начинал привыкать к этим словам.

Мел подхватила эту тему:

– У меня чудесная женщина из Центральной Америки, которая помогает мне управлять с моими дочками.

– Сколько им лет?

– Почти шестнадцать. Исполнится в июле.

– Обеим? – Он удивился, на этот раз засмеялась Мел.

– Да. Они двойняшки.

– Очень похожи?

– Нет, абсолютно разные. Одна – стройная, рыжеволосая и, как говорят, моя копия, хотя я в этом не уверена. А вторая уж точно совершенно не похожа на меня, пухленькая блондинка, из-за которой у меня всякий раз замирает сердце, когда она идет гулять. – Она улыбнулась, а Питер рассмеялся.

– За последние два года я пришел к выводу, что легче иметь сыновей. – Улыбка исчезла при мысли о Пам. – Моей дочери было двенадцать с половиной, когда умерла Анна. Думаю, потеря матери совпала с наступлением половой зрелости и в совокупности слишком тяжело подействовала на нее. – Он вздохнул. – Переходный возраст труден для любого ребенка, хотя с Марком не было проблем. Но, конечно, тогда еще была жива Анна.

– Да, разница большая. – Наступила длительная пауза, и Питер постарался поймать ее взгляд.

– Вы одна воспитываете дочек?

Мел кивнула:

– Я у них одна с самого их рождения.

– Их отец умер? – Он с сочувствием посмотрел на Мел.

– Нет, – спокойно произнесла Мел. – Он бросил меня. Он заявил, что никогда не хотел иметь детей. Как только я сообщила ему, что беременна, он тотчас же ушел от меня. Он никогда не видел двойняшек.

Питер Галлам был потрясен. Он не мог представить, что кто-то способен на такое.

– Как это было ужасно для вас, Мел. Ведь вы были очень молоды.

Она кивнула с легкой усмешкой. Это уже не причиняло ей боль. Просто мрачное воспоминание. Просто факт из ее биографии.

– Мне было девятнадцать.

– О боже, как же вам удалось справиться одной? Ваши родители помогли вам?

– Только на первых порах. Я уехала из Колумбии, когда родились девочки, а потом нашла работу. Я сменила много мест, – Мел улыбнулась, – и случайно устроилась секретарем на телевидение в Нью-Йорке, а потом машинисткой в отделе новостей, оттуда все и началось, как я понимаю. – Теперь она с легкостью оглядывалась на прошлое, но он чувствовал, каким трудным было ее восхождение, и вся прелесть заключалась в том, что это не сломило ее. Она не ожесточилась, а реально смотрела на прошлое и в конце концов добилась своего. Она добралась до вершины и не сетовала на сложности восхождения.

– Вы с такой легкостью рассказываете об этом, но, должно быть, иногда приходилось туго.

– Пожалуй, так. – Она вздохнула и стала смотреть на город, по которому они ехали. – Теперь я почти не помню об этом. Забавно, что, столкнувшись с трудностями, кажется, что не выживешь, но каким-то образом удается преодолевать их. А когда вспоминаешь о пережитом, то все уже не кажется таким трудным.

Слушая ее, он размышлял, сможет ли он когда-нибудь вот так же спокойно вспоминать об утрате Анны, но пока он сомневался в этом.

– Знаете, Мел, самое трудное для меня то, что я никогда не смогу заменить своим детям мать. Им она так нужна, особенно Пам.

– Вы не можете так требовательно подходить к себе. Вы отдаете все самое лучшее, что способны им дать. Но не больше.

– Я понимаю. – Но его ответ прозвучал неубедительно. Он вновь взглянул на нее. – Вы никогда не думали снова выйти замуж ради дочек? – Он понимал, что у нее был совсем иной случай.

– Не уверена, что смогу снова выйти замуж. Брак не для меня. Надеюсь, что девочки уже поняли это. Раньше, когда они были поменьше, они постоянно донимали меня этим. Иногда я чувствовала себя виноватой. Однако лучше уж жить одной, чем с плохим человеком, и самое интересное, что мне так больше нравится. Теперь я сомневаюсь, что могла бы с кем-то делить моих девочек. Наверное, стыдно признаться, но временами у меня возникает такое чувство. Вероятно, я стала собственницей в отношении дочек.

– Это можно понять, ведь все это долгое время вы прожили с ними одна.

Он откинулся на сиденье и бросил на нее взгляд.

– Возможно. Джессика и Вал – самое лучшее, что есть у меня в жизни. Они замечательные дочери.

Они остановились в фешенебельном районе Беверли-Хиллз, всего в двух кварталах от знаменитой Родео-драйв. Мелани огляделась. «Бистро Гарденс» был прекрасным рестораном в стиле артдеко² с обилием цветущих кустарников во внутреннем дворе. Ленч был в полном разгаре. Среди шикарной публики Мелани заметила несколько знаменитостей, потом неожиданно для себя обнаружила, что взоры посетителей прикованы к ней. Она увидела, как две дамы что-то возбужденно шепчут третьей, а метрдотель, с улыбкой встретивший их, не сводил с нее глаз.

– Здравствуйте, доктор. Здравствуйте, мисс Адамс, очень приятно снова видеть вас. – Она не могла припомнить, встречалась ли она с ним прежде, но он знал, кто она такая, и хотел подчеркнуть это. Удивившись, она последовала за ним к столику во внутреннем дворе ресторана, и Питер вопросительно посмотрел на нее.

– Вас всегда узнают?

– Не всегда. Все зависит от того, где я нахожусь. Полагаю, что здесь так принято. – Она бросила взгляд на переполненный ресторан, где собирались на ленч сливки общества. Она вновь улыбнулась Питеру. – Это напоминает обход пациентов с доктором Галламом в больнице, где все смотрят на вас. Все зависит от того, где вы находитесь.

– Согласен с вами. – Но он никогда не замечал взглядов в свою сторону. Теперь он видел, с каким интересом смотрят на Мелани и как прекрасно она владеет собой.

– Прекрасное место. – Она вдохнула весенний аромат и повернулась лицом к солнцу. В Лос-Анджелесе было совсем как летом, и Мелани наслаждалась неожиданным отдыхом в этом райском уголке. Она прикрыла глаза, блаженствуя в солнечных лучах. – Спасибо, что привезли меня сюда.

Он с улыбкой откинулся на спинку стула.

– Я подумал, что кафетерий не совсем в вашем стиле.

– Сгодился бы и он, вы же знаете. Чаще всего я питаюсь в кафетериях. Зато какое удовольствие оказаться в таком роскошном месте. Когда я работаю, у меня почти не остается времени на еду или чтобы просто помечтать об обеде в модном ресторане.

– У меня тоже.

Они обменялись усмешками, а Мелани удивленно подняла бровь.

– Вы полагаете, что мы оба слишком увлечены работой, доктор?

– Подозреваю, что так. Но мне кажется, что мы оба любим то, что делаем. Это помогает в жизни.

– Да, вы правы. – Она выглядела умиротворенной, а он впервые за последние два года чувствовал себя на редкость спокойно.

Наблюдая за ним, Мелани снова пришла к выводу, что ей очень нравится его стиль.

– Вы сегодня вернетесь в больницу?

– Конечно. Я хочу провести еще кое-какие исследования у Патти Лу.

---

² Декоративный стиль, отличающийся яркими красками и геометрическими формами. (Прим. ред.)

Мел нахмурилась при этих словах, подумав о ребенке.

– Ей трудно придется завтра?

– Мы постараемся сделать все, чтобы она перенесла это как можно легче. Операция для нее – единственный шанс.

– И вы по-прежнему намерены вынуть ее сердце, устранить пороки и поставить на место?

– Думаю, да. Слишком мало доноров для детей, можно прождать и месяцы. В среднем мы делаем в год двадцать пять – тридцать трансплантаций. Как вы видели сегодня во время обхода, в основном мы занимаемся шунтирующими операциями.

– Питер. – У нее был озадаченный вид. Она отпила глоток вина, принесенного официантом. – Почему вы используете клапан свиньи?

– В этом случае нам не требуются антикоагулянты крови. Мы все время пользуемся клапанами животных, и при этом не происходит отторжение.

– А вы могли бы воспользоваться целым сердцем животного?

– Ни в коем случае. Немедленно бы произошло отторжение. Человеческое тело – загадочная и прекрасная вещь.

Она кивнула, думая о маленькой негритянке.

– Я надеюсь, вам удастся помочь ей.

– Я тоже надеюсь на это. В настоящий момент еще три пациента ждут доноров.

– Кто будет прооперирован первым?

– Кому подойдет донорское сердце. Мы стараемся подбирать так, чтобы разница в весе донора и реципиента составляла не более тридцати фунтов. Нельзя пересадить сердце девочки, весящей девяносто фунтов, мужчине с весом около двухсот фунтов или наоборот. В первом случае оно не выдержит вес мужчины, а во втором оно ей не подойдет.

Мелани покачала головой, все больше испытывая благоговейный трепет перед его работой.

– Вы делаете поразительные вещи, Питер.

– Меня это тоже до сих пор удивляет. Не столько мое участие, сколько вся механика операций, похожая на чудо. Я люблю дело, которому служу, и это помогает мне.

Она внимательно посмотрела на Питера, затем обвела взглядом шикарных посетителей ресторана и вновь взглянула на него.

– Прекрасно, когда делаешь то, что нравится, не так ли?

Он улыбнулся ее словам. Чувствовалось, что работа приносила Мелани радость и удовлетворение. Потом Мелани вдруг спросила об Анне:

– Ваша жена работала?

– Нет. – Он покачал головой, снова вспоминая постоянную поддержку, которую она ему оказывала. Анна была совсем не похожа на Мел, но в начале карьеры ему требовалась именно такая жена. – Она сидела дома и заботилась о детях. Поэтому им еще труднее было после ее смерти. А ваши дочери не ропщут, что вы так заняты?

– Может быть, иногда, но мне кажется, им нравится то, чем я занимаюсь.

Она усмехнулась и стала похожей на совсем юную девушку.

– Возможно, мое появление на телеэкране производит впечатление на их друзей, и это им нравится.

Питер тоже улыбнулся. Это производило впечатление даже на него.

– Подождите, что будет, когда мои ребята узнают, что я обедал с вами. – Они рассмеялись. Питер расплатился за обед, и они с сожалением встали, неохотно прерывая приятную беседу. Сели в машину, Мелани потянулась.

– На меня напала лень. Здесь совсем уже лето. – Стоял еще только май, но ей вдруг захотелось поплавать в бассейне.

Заводя машину, Питер тоже подумал о лете.

– Мы, как обычно, поедem в Аспен. А что вы делаете летом, Мел?

– Мы каждый год ездим в Мартас-Виньярд.

– А что там?

Она прищурилась, взявшись рукой за подбородок.

– Это похоже на возвращение в детство или игру в Гекльберри Финна. Можно весь день ходить в шортах и босиком, дети все время проводят на пляже. Я люблю это место, я могу расслабиться там, мне ни на кого не надо производить впечатление, не надо встречаться с теми, с кем не хочу. Я могу просто валяться и бездельничать. Мы каждый год уезжаем туда на два месяца.

– Вы можете так надолго покидать студию? – Он удивился.

– Теперь это внесено в мой контракт. Раньше мне полагался месяц, но в последние три года у меня двухмесячный отпуск.

– Неплохо. Возможно, это то, что мне надо.

– Два месяца в Мартас-Виньярде? – Эта идея привела ее в восторг. – Вам там очень понравится, Питер! Это волшебное место.

Он улыбнулся, глядя на Мел, и вдруг залюбовался ее волосами. Они блестели на солнце, как атлас, и ему внезапно захотелось коснуться их.

– Я имел в виду мой контракт. – Питер старался отвести глаза и отогнать мысли от отливающих медью волос. Красота Мелани не оставила его равнодушным. Он никогда не видел раньше таких изумрудных, с золотыми искрами, глаз. Забытое волнение охватило его. Проведенные вместе несколько часов сблизили их, и это вызывало у него беспокойство. Ему стало казаться, что он предал Анну, позволив себе расслабиться в обществе Мел. И когда они снова входили в клинику, Мел почувствовала пробежавший между ними холодок.

Глава 5

На следующее утро Мел вышла из гостиницы ровно в половине седьмого и поехала в центральную городскую больницу, где застала мать Патти Лу, сидевшую возле палаты дочери. Мел тихо опустилась на стул рядом с ней. Операция была назначена на семь тридцать.

– Хотите, я принесу вам кофе, Перл?

– Спасибо, не надо, – произнесла женщина, слабо улыбнувшись. – Я хочу поблагодарить вас, Мел, за все, что вы сделали для нас. Мы не попали бы сюда, если бы не вы.

– Это устроила не я, а телестудия.

– Я не уверена в этом. – Глаза негритянки наполнились слезами, и, когда Мел дотронулась до ее плеча, она отвернулась.

– Я могу чем-нибудь помочь?

В ответ Перл Джонс только покачала головой и вытерла слезы. Она уже виделась утром с Патти Лу, а сейчас девочку готовили к операции. Спустя десять минут в холле появился Питер Галлам с деловым видом.

– Доброе утро, мисс Джонс, Мел. – Ничего больше не сказав, он скрылся в палате Патти Лу. Минуту спустя раздался тихий плач, Перл Джонс вся напряглась и произнесла как бы для себя:

– Сказали, что я не должна входить туда, пока малышку готовят.

У нее дрожали руки, и она принялась комкать платок, но Мел решительно взяла ее за руку.

– С ней все будет хорошо. Держитесь.

Как только она произнесла это, медсестры вывели девочку на каталке, а Питер Галлам шел рядом с ней. Ей уже начали делать внутривенное вливание и вставили зловещего вида назогастральный зонд. Перл взяла себя в руки, быстро приблизилась к дочери и, наклонившись, поцеловала ее. На глазах у матери блеснули слезы, но она твердо и спокойно сказала дочери:

– Я люблю тебя, малышка. Скоро увидимся.

Питер Галлам улынулся им обоим и похлопал Перл по плечу, быстро взглянув при этом на Мел. На миг между ними как будто пробежал электрический разряд, а затем Питер снова переключил свое внимание на Патти. Она находилась в полудреме от только что сделанного укола и затуманенным взором посмотрела на Питера, Мел и на свою мать. Галлам сделал знак сестрам, и каталка медленно двинулась через холл. Питер держал Патти за руку, а Мел и Перл шли за ним следом. Каталку ввели в лифт, чтобы подняться на этаж выше в операционную, а Перл стояла, невидящим взглядом уставившись на дверь, потом, дрожа, обернулась к Мел.

– О боже! – Обе женщины надолго припали друг к другу, а затем вернулись на свои места ждать результатов операции.

Утро казалось бесконечным, с отрывочными фразами, бесчисленными картонными стаканчиками черного кофе, хождением по коридору и ожиданием... нескончаемым ожиданием... пока наконец не появился Питер Галлам, и Мел, затаив дыхание, посмотрела ему в глаза, а женщина, сидевшая рядом с ней, застыла на стуле, парализованная страхом. Подойдя к матери Патти Лу, он одарил ее радостной улыбкой.

– Операция прошла прекрасно, миссис Джонс. И с Патти Лу все хорошо.

Перл задрожала и с рыданиями бросилась к нему.

– О боже... мое дитя... о боже...

– Все прошло превосходно.

– Вы думаете, она не отторгнет клапан, который вы ей поставили?

Питер Галлам улыбнулся:

– Клапаны не отторгаются, миссис Джонс. Конечно, еще слишком рано говорить о конечном результате, но пока все идет хорошо.

Ноги у Мел подкосились, и она рухнула на стул. Они прождали четыре с половиной часа, показавшиеся ей самыми долгими часами в жизни. Мелани искренне переживала за судьбу этой маленькой девочки. Питер сел рядом с ней с торжествующим видом, еще не успокоившись после операции.

– Жаль, что вы не видели этого.

– Мне тоже. – Но он сам не разрешил ей присутствовать при операции и не допустил туда съемочную бригаду.

– Может быть, в следующий раз, Мел. – Он мало-помалу раскрывал ей тайны своей профессии. – Как насчет интервью сегодня во второй половине дня? – Он пообещал дать его после операции Патти Лу, но не уточнил время.

– Я предупрежу свою бригаду. – Но затем Мелани вдруг нахмурилась. – Вы уверены, что это не слишком переутомит вас?

Он усмехнулся:

– Конечно, нет. – Он выглядел как мальчишка, только что выигравший футбольный матч.

Такая победа вселяла уверенность после череды неудач. Мел оставалось только надеяться, что Патти Лу не подведет и не разрушит их надежды. Мать девочки пошла звонить мужу в Нью-Йорк, а Мел и Питер остались одни.

– Мел, все действительно прошло замечательно.

– Я так рада.

– Я тоже. – Затем он посмотрел на часы: – Мне пора на обход, потом я заскочу в свой кабинет, но могу освободиться к трем. Вас устроит это время?

– Я выясню, успеет ли бригада подъехать сюда. – Они с нетерпением ждали уже два дня, и Мел надеялась, что все будет устроено. – Не думаю, чтобы возникли проблемы. Где вы хотите дать интервью?

Он задумался на мгновение.

– В моем кабинете.

– Прекрасно. Вероятно, к двум они уже подъедут и начнут приготовления.

– Сколько времени потребуется для интервью?

– Столько, сколько вы сможете уделить нам.

– Часа два, если вас это устраивает.

– Чудесно.

Тогда ей пришла в голову еще одна мысль:

– Не сможем ли мы на несколько минут заглянуть к Патти Лу?

Он нахмурился и отрицательно покачал головой.

– Не думаю, Мел. Может быть, завтра, но только на пару минут и при условии, что с ней все будет в порядке, на что я надеюсь. Вашей бригаде придется надеть белую стерильную одежду и действовать быстро.

– Прекрасно. – Мел быстро сделала несколько пометок в блокноте, который всегда носила с собой в сумочке. Сегодня во второй половине дня она возьмет интервью у Перл Джонс, затем у Питера, а завтра утром посещение Патти Лу; бригада телеоператоров заснимет основные моменты, и можно будет возвращаться домой. Она завтра даже успеет на ночной рейс в Нью-Йорк. Вот и все. Возможно, примерно через месяц им удастся взять более подробное интервью у Патти Лу как продолжение репортажа, расспросить, как она чувство-

вала себя до операции и после нее. Пока рано загадывать. Сейчас надо сделать основной репортаж. Она подняла взгляд на Питера.

– Мне бы хотелось когда-нибудь сделать специальную передачу о вас.

Он улыбнулся, все еще находясь в состоянии эйфории после успешно проведенной операции.

– Я никогда не задумывался об этом.

– Я считаю, что людям необходимо знать, что такое кардиохирургия вообще и пересадка сердца в частности.

– Я тоже так думаю. Но это следует сделать умно и в нужный момент.

Она кивнула в знак согласия, и он, коснувшись ее руки, встал.

– Увидимся в моем кабинете около двух, Мел.

– Мы не станем беспокоить вас раньше трех. Только скажите секретарю, где вы хотите организовать съемку, и мы все подготовим.

– Договорились. – Затем он быстро направился к посту медсестер, взял несколько историй болезни и через минуту исчез, а Мел осталась сидеть в холле одна, мысленно возвращаясь к пережитому. Затем она пошла к таксофону и помахала рукой Перл, смеющейся сквозь слезы в соседней кабине.

Она договорилась с телевизионной бригадой об интервью с Перл на час дня. Его можно будет провести в больничном холле, так что ей не придется далеко отходить от Патти Лу.

Мел взглянула на часы и прикинула все в уме. В два часа они перейдут в то здание, где располагается офис Питера, и подготовятся к интервью с ним. Она надеялась, что съемка пройдет без осложнений. Все складывалось удачно и заняло всего три дня, хотя они казались ей тремя неделями.

Она направилась вниз встречать телевизионную бригаду. Они прибыли вовремя и засняли интервью с глубоко признательной и чрезвычайно взволнованной Перл Джонс. В два часа операторы перебазировались в офис Питера. Кабинет, в котором он решил дать интервью, был отделан деревянными панелями теплого розового оттенка, а две стены были заставлены шкафами с книгами по медицине. Питер сидел за массивным письменным столом и рассказывал Мел о ловушках и опасностях, подстерегающих их в работе, об обоснованном страхе, но также и о надежде, которую они давали людям. Он честно упомянул о степени риска и о неудачных исходах, но, поскольку в любом случае у людей, которым они делали пересадку сердца, не было другого шанса, риск почти всегда казался оправданным.

– А что ждет тех, кто отказывается от предлагаемой возможности? – Она очень осторожно задала вопрос, надеясь, что он не покажется ему слишком личным.

– Они умирают, – спокойно ответил Питер. На мгновение воцарилась пауза, затем он вернулся к разговору о Патти Лу. Он нарисовал схему, чтобы пояснить, что было сделано, и очень доходчиво описал операцию операторам и Мел. Они закончили ровно в пять, и Питер вздохнул с облегчением. День выдался для него долгим, и он устал от двухчасового интервью.

– У вас хорошо получается, друг мой. – Ей понравилось такое обращение, и она улыбнулась ему. Операторы выключили свет и собрали свою аппаратуру. Они тоже остались довольны съемкой. Галлам держался непринужденно и прекрасно отвечал на вопросы. Мел чувствовала, что у них получилось именно то, что ей требовалось для программы новостей. Из этого предстояло сделать пятнадцатиминутный репортаж, и теперь ей не терпелось приступить к монтажу.

– Должна признать, что вы тоже великолепно справились с этим.

– Я опасался, что слишком углублюсь в технические подробности. – Он нахмурился, но Мел покачала головой:

– Все прошло успешно. – Как и во время интервью с Перл. Та плакала и смеялась, а затем с грустью рассказала, какой была жизнь ее дочери. Но если операция окажется настолько удачной, как предполагал Питер, то у Патти Лу есть будущее. Судьба девочки, несомненно, тронет сердца зрителей. Трудно оставаться безучастным к больным детям.

Питер с нескрываемым восхищением наблюдал, как Мел отдавала указания своей бригаде. Но его мысли прервал приход медсестры. Она что-то тихо сказала ему, и он тотчас же нахмурился, и, когда Мел обернулась, у нее защемило сердце. Она не смогла удержаться и, подойдя к нему, спросила, не случилось ли чего с Патти Лу.

Но Питер быстро замотал головой:

– Нет, с ней все в порядке. Один из моих коллег заходил к ней час назад. Тут другое. Только что привезли больную, которой срочно нужна пересадка сердца, а у нас нет для нее донора. – Все его мысли мгновенно переключились на новую пациентку, он быстро кинул взгляд на Мел: – Хотите пойти со мной?

– С вами? – Ей было приятно его предложение.

Питер кивнул:

– Конечно. Только не говорите ей, кто вы. Я всегда могу представить вас как коллегу, приехавшую из другого штата. – Он слегка улыбнулся. – Если, конечно, вас не узнают. Я просто не хочу расстраивать родственников или давать им повод думать, что я пользуюсь случаем. – Именно поэтому он избегал рекламы.

– Договорились. – Она схватила сумочку, сказала несколько слов операторам и поспешила за Питером к машине. А через минут десять они вновь оказались на шестом этаже центральной городской больницы и поспешили в палату к новой пациентке.

Когда Питер открыл дверь, пропуская Мел, она была поражена увиденным. Там лежала удивительной красоты девушка.

У нее были светлые волосы и огромные печальные глаза. Мел никогда не видела такой нежной молочно-голубоватой кожи. Девушка внимательно посмотрела на вошедших, словно пытаясь запомнить каждое лицо, каждую пару глаз. Затем она улыбнулась, и Мел стало от души жаль ее. Что делает такая красивая девушка в этом ужасном месте? На одной руке у нее уже была толстая повязка, закрывающая то место, где ей пришлось сделать разрез, чтобы взять много крови на анализы, а на другой – виднелись синяки и кровоподтеки от внутривенных вливаний, которые ей делали несколько дней назад. Но все это отходило на второй план, когда она начинала говорить. Ее голос напоминал мягкое журчание ручейка, и, хотя говорила она с трудом, казалось, она была рада видеть их всех. Девушка сказала что-то забавное Мел, когда их представили друг другу, и добродушно пошутила с Питером. И Мелани стала молить Бога, чтобы он послал ей другое сердце. Почему судьба так безжалостна к молодым людям? Какая несправедливость. Но на лице девушки не было обиды на судьбу. Ее звали Мари Дюпре, она объяснила, что ее родители были французами.

Питер улыбнулся:

– Красивое имя.

– Спасибо, доктор Галлам.

Тут Мел заметила, что она говорит с легким южным акцентом, и через мгновение Мари упомянула, что выросла в Новом Орлеане, но уже почти пять лет живет в Лос-Анджелесе.

– Мне бы хотелось когда-нибудь вновь очутиться в Новом Орлеане, – она снова улыбнулась Питеру, а ее голос радовал слух, – после того как добрый доктор подлатает меня здесь. – Затем она испытующе посмотрела на него, и улыбка исчезла с ее лица, уступив место беспокойству и боли. – Как вы думаете, сколько мне придется здесь пробыть?

На этот вопрос ответ мог знать только Бог, и это понимали все, включая Мари.

– Мы надеемся, что недолго. – В его голосе звучала надежда.

Питер объяснил девушке, какие ей предстоят сегодня процедуры. Многочисленные обследования ее не пугали, но Мари хотелось получить ответ на главный вопрос. Она не спускала с Питера огромных умоляющих глаз. Она смотрела как узница, приговоренная к смертной казни за преступление, которого не совершала.

– Следующие несколько дней ты будешь очень занята, Мари. – Он снова улыбнулся и похлопал ее по руке. – Завтра утром я загляну к тебе, и тогда ты сможешь спросить меня, о чем захочешь.

Девушка поблагодарила его, и он вместе с Мел вышел из палаты. Мелани вновь потрясла жестокость судьбы, все ужасы, с которыми придется столкнуться один на один этой девушке. Она подумала, окажется ли кто-либо рядом с Мари в трудный момент, потому что подозревала, что у нее никого нет. Разве ее муж или родители не приехали бы сюда вместе с ней? Другие пациенты не казались такими одинокими. Именно поэтому она больше, чем другие, полагается на Питера, но, возможно, такое впечатление создалось оттого, что она новенькая. Когда они медленно шли через холл, Мелани вдруг охватило ощущение, что они бросают ее одну, она печально посмотрела на Питера.

– Что с ней будет?

– Нам надо найти донора для нее. И как можно скорее. – Казалось, он целиком ушел в собственные мысли, к тому же его беспокоила участь девушки, но потом он вспомнил о Мел: – Я рад, что вы пошли со мной.

– Я тоже. Она – приятная девушка. – Питер кивнул. Ему все больные казались приятными людьми. Их судьбы целиком зависели от него. Но он редко задумывался об этом. Он просто делал для них то, что было в его силах. Хотя иногда он так мало мог сделать. Мел уже несколько дней волновал вопрос: как он выдерживает все это? В его руки попадало так много людей, у которых почти не оставалось надежды, и тем не менее этот человек никогда не унывал. Казалось, он сам несет в себе надежду, и Мел опять почувствовала, насколько восхищается им.

– Ну и денек выдался, не так ли, Мел? – Он улыбнулся ей, когда они вместе вышли из здания.

– Не представляю, как вы ежедневно выдерживаете такое. Я бы выдохлась через пару лет. Нет, – она улыбнулась ему, – скорее через две недели. Такая ответственность, такое напряжение физических и душевных сил. Каждый ваш случай – это вопрос жизни и смерти... – Она снова подумала о Мари Дюпре... – Как с той девушкой.

– Ради этого стоит жить. Когда ты побеждаешь. – Они одновременно подумали о Патти Лу: ее состояние не вызывало опасений.

– Но ведь вам приходится так нелегко. И, помимо всего прочего, вы в течение двух часов давали мне интервью.

– Мне это понравилось. – Он улыбнулся, но его мысли все еще занимала Мари. Он просмотрел историю болезни, а его коллеги пока позаботятся о ней. Главное заключается в том, смогут ли вовремя найти донора, но с этим он ничего не мог поделать; ему оставалось только молиться.

– Как вы думаете, вам удастся найти донора для Мари?

– Не знаю. Надеюсь на это. Ей нельзя терять время. – Как и никому из его пациентов. И в этом заключалось самое худшее. Они ждали, что кто-то умрет и подарит им жизнь, а без этого они были обречены.

– Я тоже надеюсь на это. – Она глубоко вдохнула весенний воздух и бросила взгляд на взятую напрокат машину. – Ну, – она протянула руку, – как я понимаю, на сегодня все. По крайней мере для меня. Надеюсь, вы сможете отдохнуть после такого тяжелого дня.

– Я всегда отдыхаю, возвращаясь домой к детям.

Она рассмеялась от этих слов.

– Не знаю, как вы можете говорить такое, если они хоть чуть-чуть похожи на моих. После восемнадцатичасового рабочего дня я, измученная, приползаю домой и застаю Вал, которая разрывается между двумя кавалерами, и ей надо непременно обсудить со мной свои сердечные дела, а Джесс подготовила доклад на пятидесяти листах, который мне необходимо прочесть за ночь. Они обе набрасываются на меня, и я взрываюсь, а потом терзаюсь раскаянием. Тяжело растить детей одной, когда никто не может разделить с тобой нагрузку, и совсем не имеет значения, насколько уставшей возвращаешься домой.

Он улыбнулся. Ему это было хорошо знакомо.

– В ваших словах есть доля правды, Мел. В моем доме больше всего хлопот с Мэтью и Пам. Марк теперь вполне самостоятельный.

– Сколько ему?

– Почти восемнадцать. – И вдруг у него возникла идея. Они беседовали возле автостоянки, и он с чуть заметной улыбкой взглянул на Мел. Половина седьмого. – Не хотите посмотреть, как я живу? Вы могли бы принять душ и поужинать с нами.

– К сожалению, это невозможно. – Но Мел тронуло такое предложение.

– Почему? Какая радость возвращаться в гостиничный номер? Почему бы не поехать к нам домой? Мы ужинаем не поздно, и к девяти вы можете вернуться в гостиницу.

Эта мысль показалась Мелани соблазнительной.

– А ваши дети не будут возражать?

– Нет. Думаю, они придут в восторг от встречи с вами.

– Не стоит преувеличивать. А вы действительно не слишком устали?

– Вовсе нет. Поехали, Мел, это будет чудесно.

– Для меня – да. – Она улыбнулась. – Мне ехать за вами на своей машине?

– Почему бы не оставить ее здесь?

– Тогда вам придется отвезти меня обратно. Впрочем, я могу взять такси.

– Я отвезу вас. Тогда я смогу еще раз взглянуть на Патти Лу.

– Вы когда-нибудь прекращаете работу? – Она улыбнулась, садясь в его машину и радуясь тому, что едет к нему домой.

– Нет. Как, впрочем, и вы тоже. – Он выглядел таким же довольным, как и она, выезжая со стоянки и направляясь в сторону Бел-Эра.

– Здесь так приятно. – Это напоминало поездку за город, дорога то устремлялась вниз, то делала поворот, а за окнами мелькали уединенные виллы, похожие на дворцы.

– Именно поэтому мне здесь так нравится. Не представляю, как вы можете жить в Нью-Йорке?

– Там стоит жить ради прелестей городской жизни. – Она усмехнулась.

– Неужели вам там нравится, Мел?

– Да. Я люблю мой дом, мою работу, город, моих друзей и не могу представить жизнь в каком-нибудь другом месте... – Сказав это, она вдруг подумала, что было бы неплохо вернуться завтра домой. Как бы ей ни нравился Лос-Анджелес и как бы она ни восхищалась им, ее место было в Нью-Йорке. Когда Питер снова взглянул на нее, она выглядела расслабившейся. Он сделал последний поворот налево на подъездную аллею, ведущую к большому красивому дому во французском стиле, окруженному аккуратно подстриженными деревьями и клумбами с цветами. Дом словно сошел с французской почтовой открытки, и Мелани с удивлением посмотрела по сторонам. Она не предполагала, что он живет в таком роскошном доме. Мел ожидала увидеть нечто вроде сельского дома или чего-то похожего на ранчо.

– Как красиво, Питер. – Она взглянула на мансардную крышу, ожидая увидеть там детей, но никого не было видно.

– Вы удивлены? – Он засмеялся.

– Нет. – Она покраснела. – Просто это не в вашем стиле.

Тогда он снова улыбнулся:

– Проект принадлежал Анне. Мы построили его перед самым рождением Мэтью.

– Дом действительно великолепен, Питер. – Теперь она по-иному стала воспринимать его.

– Давайте войдем в дом. Я представлю вас моим ребятам. Скорее всего они все возле бассейна с дюжиной друзей. Держитесь.

Они вышли из машины, и Мелани огляделась. Ничего общего с ее городским домом в Нью-Йорке, но ей было интересно посмотреть, как он живет. Она последовала за ним в дом, испытывая легкое беспокойство из-за предстоящей встречи с его детьми, думая, насколько они могут отличаться от ее двойняшек.

Глава 6

Питер открыл входную дверь и вошел в холл, пол которого был выложен ромбовидными черными и белыми мраморными плитками в типичном французском стиле, с хрустальными бра на стенах. На столике из черного мрамора, с позолоченными ножками в стиле Людовика XVI стояла великолепная хрустальная ваза с только что срезанными цветами, испускавшими весенний аромат. Мелани не ожидала очутиться в подобной роскоши. Питер казался таким простым и скромным, что она никак не могла представить его в доме с изысканной старинной мебелью. Взглянув на жилые комнаты, она увидела и там такую же картину: изящные кресла, обтянутые парчой, стены с лепными украшениями, а роспись на потолке создавала сложный световой эффект. Она удивленно продолжала оглядываться по сторонам, пока Питер вел ее в свой кабинет, выдержанный в темно-красных тонах, с английскими креслами, длинным кожаным диваном. Стены украшали картины в красивых рамах, на которых были изображены сцены охоты.

– У вас такой удивленный вид, Мел.

– Нет, просто я представляла вас совсем в другой обстановке.

– Анна два года училась в Сорбонне, а потом еще два года жила во Франции. Думаю, это сказалось на ее вкусе. – Он обвел взглядом кабинет, как будто вновь увидел его. – Но мне грех жаловаться. Наверху дом менее стилизованный. Через некоторое время я устрою вам экскурсию. – Он сел за стол, просмотрел пометки на ежедневнике, повернулся к ней и хлопнул себя по лбу. – Черт возьми. Я забыл остановиться у вашей гостиницы, чтобы вы могли взять купальник. – Затем он, прищурившись, посмотрел на нее. – Может быть, Пам выручит вас. Не хотите поплавать?

Они провели целый день в больнице, потом она взяла у него интервью, он сделал операцию Патти Лу, и вдруг они заговорили о купании, как будто ничем в тот день больше не занимались. Трудно представить, что все эти события произошли за один день, но, находясь в доме Питера, все казалось в порядке вещей. Она подумала, что именно так он мог пережить смерть жены.

Питер встал и повел ее в просторный внутренний дворик с большим овальным бассейном, и там Мел почувствовала себя почти как дома. Около дюжины подростков резвились в воде, а вокруг бассейна бегал маленький мальчик, визжавший от удовольствия. Мел удивилась, что не услышала этого шума раньше, и засмеялась, наблюдая за их проказами. Мальчишки щеголяли друг перед другом, играли в водное поло, катались друг у друга на плечах и падали в воду. Несколько девочек одаривали их своим вниманием. Питер остановился у края бассейна, и его тотчас забрызгали, он хлопнул в ладоши, но его никто не услышал. Малыш, завидя Питера, подбежал к нему и обхватил его за ноги, оставляя мокрые пятна на брюках.

– Привет, папочка! Пошли купаться.

– Привет, Мэт. Можно я сначала переоденусь?

– Конечно. – Они обменялись теплыми взглядами, предназначенными только друг другу. Мэт был восхитительным проказником с выгоревшими на солнце белокурыми волосами и без передних зубов.

– Я бы хотел познакомить тебя с моим другом. – Он повернулся к Мел, и она подошла к ним. Малыш был очень похож на отца, а когда он улыбнулся, она увидела, что у него выпали оба передних зуба. Он был ужасно симпатичным мальчуганом.

– Мэтью, это мой друг, Мелани Адамс. Мел, это Мэт. – Малыш насупился, Питер усмехнулся. – Прошу прощения – Мэтью Галлам.

– Здравствуйте. – Он протянул мокрую ручонку, и она официально пожала ее, мгновенно вспомнив, какими были двойняшки в его возрасте. Это было десять лет назад, но иногда казалось, что совсем недавно.

– Где твоя сестра, Мэт? – Питер оглянулся. В бассейне резвились только друзья Марка, но он не мог завладеть вниманием старшего сына, который сбросил в воду сразу двух девушек, а затем принялся за приятеля. Как заметила Мел, они прекрасно развлекались.

– Она в своей комнате. – Мэтью сделал презрительную гримасу. – Наверное, висит на телефоне.

– В такой день? – удивился Питер. – Она что, весь день провела в доме?

– Почти. – Он закатил глаза и посмотрел на своего отца и на Мел. – Она такая глупая. – Питер знал, что ему трудно общаться с Пам. Иногда им всем было трудно с ней, в ее переходном возрасте и при сложившихся обстоятельствах, особенно теперь, когда она оказалась в семье, состоявшей, кроме нее, из одних мужчин.

– Схожу в дом и посмотрю, чем она занимается. – Питер взглянул на сына. – Поосторожнее здесь, пожалуйста.

– Я в порядке.

– Где миссис Хан?

– Она только что пошла в дом, но со мной все в порядке, папочка. Честно. – И как бы желая доказать это, он, разбежавшись, прыгнул в бассейн, забрызгав их с головы до ног. Мел, смеясь, отскочила назад, и Питер с извиняющимся видом посмотрел на нее, когда Мэтью вынырнул на поверхность.

– Мэтью, пожалуйста, не... – Но белокурая головка уже исчезла под водой, и он, как маленькая рыбка, поплыл к остальным. В этот момент их заметил Марк, что-то крикнул и махнул рукой. Фигурой он очень походил на отца, такого же роста и комплекции, с длинными ногами.

– Привет, папа!

Питер указал на младшего сына, плывшего к Марку, и старший сын понимающе кивнул, схватил малыша на руки, когда тот показался на поверхности, и что-то сказал ему, посылая подальше от играющих, чтобы те не задели его. Увидев это, Питер решил, что Мэтью в безопасности, и повернулся к Мел:

– Совсем промокли?

Она ничего не имела против шалости малыша. После богатого событиями дня приятно было расслабиться.

– Ничего, высохну.

– Иногда я сожалею, что построил бассейн. Половина соседей проводят здесь все выходные.

– Но для ребят это замечательно.

Он кивнул:

– Да. Но мне нечасто удается поплавать в нем спокойно, только когда они в школе. Когда у меня выдается свободное время, я иногда приезжаю сюда на ленч.

– А такое случается?

– Примерно раз в году.

– Я так и подумала. – Затем она вспомнила Мэтью и его беззубую улыбку. – Я влюбилась в вашего малыша.

– Он хороший мальчуган. – У Питера был довольный вид, а потом он подумал о старшем сыне. – Марк – тоже. Он такой разумный, что это иногда пугает.

– У меня такая же Джессика, старшая из двойняшек.

– Это которая похожа на вас?

– Как вы умудрились запомнить? – удивилась Мел.

– Я помню все, Мел. Это важно в моей работе. Мельчайшие подробности, намеки иногда становятся ключом к разгадке. Это помогает, когда сражаешься за жизнь со смертью. Я не могу позволить себе забыть что-то.

Его слова были первым открытым признанием своего профессионализма, и Мел с интересом наблюдала за Питером, входя следом за ним в дом, в просторную солнечную комнату, уставленную большими белыми плетеными креслами, плетеными диванами, стереоаппаратурой, огромным телевизором и десятифутовыми пальмами, кронами упиравшимися в потолок. В этой комнате приятно было отдохнуть в солнечный день. И тут Мел внезапно увидела с полдюжины снимков Анны в серебряных рамках: играющей в теннис, с Питером перед Лувром, с маленьким ребенком, а еще на одном – со всеми детьми перед рождественской елкой. Казалось, все вокруг замерло, и Мелани как замороженная смотрела на ее лицо, светлые волосы, большие голубые глаза. Анна была привлекательной женщиной, высокого роста, со спортивной фигурой. Она и Питер были чем-то похожи друг на друга и составляли прекрасную пару. Внезапно Мелани почувствовала, что Питер стоит рядом, тоже глядя на одну из фотографий.

– Трудно поверить, что ее больше нет, – тихо произнес он.

– Естественно. – Мелани не знала, что сказать. – Но в каком-то смысле она продолжает жить. В вашем сердце, в памяти, в детях, которых она вам оставила. А еще этот дом, который был явно в ее вкусе. – Мелани снова оглядела комнату. Она представляла собой полный контраст гостиной и кабинету. – Для чего вы используете эту комнату, Питер? – поинтересовалась Мел. Комната показалась очень женской.

– Дети любят отдыхать здесь, и хотя она вся белая, тут почти нечего портить. – Мелани обратила внимание на плетеный столик, из-за которого открывался вид на бассейн. – Анна любила сидеть в этой комнате. Я в основном проводил время в кабинете или наверху. – Затем он кивнул в направлении холла. – Пошли. Я покажу вам остальное. Попробуем найти Пам.

Убранство верхних комнат тоже было выдержано во французском стиле. Пол в холле был выложен бледно-бежевым травертином³, в каждом конце стояли пристенные столики такого же цвета с красивыми канделябрами из латуни. Здесь располагалась малая гостиная, в голубых тонах, такая же парадная, как внизу. Все было отделано бархатом и шелком, с мраморным камином, настенными бра и хрустальной люстрой, бледно-голубыми шелковыми портьерами с бледно-желтым и синим рисунком, перехваченными желтой тесьмой, открывавшими вид на бассейн. Дальше находился небольшой розовый кабинет, но Питер нахмурился, когда они проходили мимо этой комнаты, и Мелани сразу же поняла, что им никто не пользуется, а еще, что он принадлежал Анне.

Затем они очутились в прекрасной библиотеке в темно-зеленых тонах, которая служила Питеру гостиной. Стены были заставлены шкафами с книгами, на столе царил беспорядок, а на одной из стен висел портрет Анны, выполненный маслом; двойные французские двери вели в их спальню, где теперь Питер спал один. В спальне стояли французские комоды, красивый шезлонг, на окнах висели дорогие занавески. Многое казалось излишним, пусть даже красивым, и с каждой новой комнатой Мел все больше охватывало ощущение, что интерьер не в его стиле.

Потом они поднялись еще по одной лестнице. В открытые двери можно было увидеть три большие солнечные комнаты детей. В комнате Мэтью повсюду валялись игрушки, у Марка тоже царил беспорядок, а через третью приоткрытую дверь Мел смогла разглядеть только огромную белую кровать с балдахином и девушку, лежащую на боку возле постели. Услышав приближающиеся шаги, она обернулась и встала, шепнула что-то в трубку и повесила ее. Мелани поразились, какой она была высокой и взрослой на вид. Трудно поверить,

³ Пористый известковый туф. (Прим. ред.)

что ей нет еще и четырнадцати. У нее была копна золотистых волос, как у Вал, и большие голубые печальные глаза. Она выглядела совсем как Анна на фотографиях, которые только что видела Мел.

– Что ты здесь делаешь? – Питер испытующе посмотрел ей в глаза, и Мел почувствовала, как в них росла напряженность.

– Я хотела позвонить подруге.

– Ты могла бы воспользоваться телефоном возле бассейна.

Сначала она не ответила, а затем пожала плечами.

– Ну и что?

Он проигнорировал эту реплику и повернулся к Мел:

– Мне бы хотелось представить вам мою дочь Пам. Пам, это Мелани Адамс, корреспондентка из Нью-Йорка, о которой я вам рассказывал.

– Я знаю, кто она, – нелюбезно выдавила из себя Пам.

Мел протянула руку, и девочка нехотя пожала ее, когда отец уже начал вскипать. Дочь расстраивала его своим бестактным поведением, была груба с его друзьями, старалась держаться подальше, если ей это удавалось. Почему она вела себя так, почему? Они все переживали смерть Анны, но почему Памела мстила ему? Все эти полтора года девочка изводила его, а теперь стала еще хуже. Он успокаивал себя, полагая, что виной всему является возраст, что это со временем пройдет, но иногда сомнения одолевали Питера.

– Я хотел спросить, не могла бы ты одолжить Мел купальник. Она оставила свой в гостинице.

На какое-то мгновение Пам заколебалась.

– Конечно, думаю, что смогу. Она... – Девочка не знала, какое слово подобрать. – Хотя она несколько крупнее меня. – Памеле не понравился взгляд, которым они обменялись. Или, точнее, то, как ее отец смотрел на Мел.

Мел тотчас поняла. Она мягко улыбнулась девочке:

– Ничего, если у тебя не найдется, я обойдусь.

– Нет, все в порядке. Вы выглядите совсем не так, как по телевизору. – Девочка пристально разглядывала Мелани.

– Неужели? – Она улыбнулась неприветливой, но очень привлекательной девушке. Пам была совсем не похожа на Питера, в ее лице все еще проскальзывало детское выражение, несмотря на тело с развитыми не по годам формами. – Мои дочери всегда говорят, что на телеэкране я кажусь более взрослой.

– Да. Что-то в этом роде. Более серьезной.

– Думаю, они именно это имеют в виду.

Они стояли втроем в этой красивой белой комнате, и Пам продолжала в упор смотреть на Мелани, словно пытаясь найти ответ на какой-то вопрос на ее лице.

– Сколько лет вашим дочкам?

– В июле исполнится шестнадцать.

– Обеим? – Пам удивилась.

– Они двойняшки, – улыбнулась Мел.

– Неужели? Это прекрасно! Они похожи друг на друга?

– Вовсе нет. Они двойняшки.

– А я считала, что так называют мальчиков.

Мел снова улыбнулась, а Пам покраснела.

– Это означает, что они не однойцевые близнецы, но термин слегка сбивает с толку.

– А какие они? – Ее заинтересовали двойняшки Мел.

– Как все шестнадцатилетние девочки, – засмеялась Мел. – Они заставляют меня быть начеку. Одна – рыжеволосая, как я, а другая – блондинка. Их зовут Джессика и Валерия, они любят ходить на танцы, и у них много друзей.

– А где вы живете?

Питер внимательно следил за их разговором, но не произнес ни слова.

– В Нью-Йорке. В небольшом городском доме. – Она вновь улыбнулась Питеру. – Он совсем не похож на ваш. – Потом она снова повернулась к Пам: – У вас красивый дом, и, должно быть, чудесно иметь бассейн.

– Да уж. – Она без особого энтузиазма пожала плечами. – Он либо полон несносных друзей моего брата, либо Мэтью пишет в него.

Она произнесла это с раздражением, и Мел засмеялась, но Питеру это не понравилось.

– Пам! Так нельзя говорить, к тому же это неправда.

– Нет, правда. Этот паршивец всего час назад помочился, как только миссис Хан ушла в дом. Прямо с края бассейна. По крайней мере, мог бы делать это, когда плавает.

Мел пришлось подавить смех, а Питер покраснел.

– Я поговорю с Мэтью.

– Вероятно, друзья Марка тоже грешат этим. – Было очевидно, что никто из мальчишек не нравится ей. Затем она пошла искать костюм для Мел и вернулась с белым сплошным купальником, который, по ее мнению, может подойти гостю. Мел поблагодарила ее и вновь обвела взглядом комнату.

– У тебя очень красиво, Пам.

– Моя мама отделала ее для меня перед самой... – У нее сорвался голос, и глаза стали печальными, затем она вызывающе посмотрела на Питера. – Это единственная комната в доме, которая принадлежит только мне. – Фраза звучала несколько странно, и Мел стало жаль девочку. Она выглядела такой несчастной, так отличалась от остальных. Памела старалась скрывать свою боль и вела себя так, как будто все они были виновны в том, что отобрали у нее мать.

– Должно быть, в этой комнате хорошо проводить время с друзьями.

Мел подумала о своих двойняшках и об их подругах, которые усаживались на пол в их комнатах, слушая записи, разговаривая о мальчишках, смеясь и хихикая, делясь секретами друг с другом, которыми они всегда делились и с Мел. Они настолько отличались от этой трудной, враждебно настроенной девочки с фигурой женщины и разумом ребенка. Для Пам явно наступили очень тяжелые времена, и Мел понимала, что Питеру приходится туго. Неудивительно, что он старался каждый день пораньше возвращаться домой. Для шестилетнего малыша, истосковавшегося по любви, мальчика-подростка, за которым требовался глаз да глаз, и юной девушки, несчастной, как эта, в доме требовалась не просто экономка, тут нужны были отец и мать. Она понимала, почему Питер так стремится быть рядом с ними и почему иногда чувствует, что не может справиться с поставленной перед ним задачей. Он был хорошим отцом, просто им требовалось от него слишком много, и даже больше, чем он мог дать, по крайней мере этой девочке. Мелани вдруг захотелось прижать ее к себе, сказать, что все как-нибудь устроится. И, словно уловив ее мысли, Пам внезапно отшатнулась от Мел.

– Увидимся внизу через некоторое время. – Этими словами она предлагала им удалиться. И Питер медленно направился к двери.

– Ты спустишься вниз, Пам?

– Да. – Но она произнесла это неуверенно.

– Думаю, тебе не следует проводить весь день в своей комнате. – Он произнес это решительно, но у девочки появилось такое выражение, как будто ей хотелось возразить отцу,

и Мелани посочувствовала ему. С ней было нелегко общаться, по крайней мере сейчас. – Ты скоро спустишься?

– Да! – Она выглядела еще более воинственной, и Мел с Питером ничего не оставалось, как ретироваться. Он провел ее в комнату для гостей, расположенную напротив его кабинета.

– Вы сможете здесь переодеться.

Он не обмолвился ни словом по поводу Пам, а когда Мел вышла спустя минут десять, у Питера был уже более расслабленный вид, и он повел ее вниз в большую комнату-сад с плетеной мебелью. За белой лакированной дверью оказался встроенный холодильник. Питер вынул две банки пива, потом достал с полки два стакана и предложил Мелани сесть.

– Подождем несколько минут, пока дети не вылезут из бассейна.

Мелани заметила, как хорошо Питер смотрится в плавках, тенниске и босиком. Он совершенно не похож на того человека, с которым она работала последние два дня, у которого брала интервью. Теперь он стал простым смертным. Мел улыбнулась при этой мысли, пока он смотрел ей в глаза, но затем лицо его помрачнело. Он вспомнил недавнюю встречу с дочерью.

– С Пам нелегко после смерти матери. Она бросается в крайности, то стремясь безраздельно властвовать надо мной, то ненавидя нас всех. Она считает, что никто не понимает ее страданий, и теперь она ведет себя так, словно живет во вражеском лагере. – Он вздохнул, с усталой усмешкой потягивая пиво. – Иногда трудно и с мальчиками.

– Мне кажется, ей просто недостает вашей любви.

– Я знаю. Но она во всем обвиняет нас. И к тому же... – Казалось, что он стесняется высказать то, что у него на уме. – Иногда ее трудно любить. Я это понимаю, но мальчики – нет. По крайней мере не всегда. – Он впервые признался Мел, какие у него возникали проблемы с Пам.

– Она изменится. Дайте ей время.

Питер снова вздохнул.

– Прошло почти два года.

Но Мел не осмеливалась сказать ему то, что подумала. Все в доме оставалось так, как было при жизни Анны. Мел чувствовала это, и Питер сам вел себя так, будто она умерла на прошлой неделе. Как можно было ожидать, что ребенок свыкнется с потерей матери, если у него самого еще не улеглась боль утраты? Он все еще винил себя за то, что не смог убедить Анну согласиться на операцию. Мел ничего не сказала, глядя ему в глаза, и он отвел взгляд.

– Я знаю. Вы правы. Я по-прежнему цепляюсь за прошлое.

– Возможно, когда вы закроете дверь в прошлое, она тоже сделает это. – Мел произнесла это очень мягко, и Питер, не задумываясь, перевел взгляд на ближайшую фотографию Анны. И неожиданно для себя Мел задала вопрос, который не собиралась задавать: – Почему бы вам не переехать отсюда?

– Из этого дома? – Питер был поражен. – Зачем?

– Чтобы все могли начать жизнь сначала. Вам стало бы легче.

Но он отрицательно покачал головой:

– Вряд ли это поможет. Не исключено, что переезд в новый дом только ухудшит обстановку. По крайней мере, нам здесь удобно, и все довольны.

– Разве? – Мел это совсем не убедило, но она понимала, что Питер держится за воспоминания, и Пам тоже, а возможно, и остальные. В этот момент в комнату вошла коренастая женщина в белом накрахмаленном переднике и посмотрела на них обоих, особенно на Мел. Лицо ее избороздили морщины, а руки огрубели от тяжелой многолетней работы, но глаза сохранили живой интерес к жизни и, казалось, вбирали в себя все происходящее.

– Здравствуйтесь, доктор.

Она произнесла «доктор» так, как будто обращалась к Богу, и Мел улыбнулась. Она мгновенно поняла, кто эта женщина, а Питер встал и представил ей Мел. Это была та бесценная экономка, о которой он ей уже рассказывал, драгоценная миссис Хан, крепко, почти больно пожавшая руку Мел и глазами ощупывающая рыжеволосую красавицу в позаимствованном, как она догадалась, у Пам купальнике. Она знала обо всем, что происходило в доме, кто приходил и уходил, куда они пошли и зачем. И особенно она заботилась о Пам. С ней и так уже было достаточно хлопот в первый год после смерти матери, когда девочка почти ничего не ела чуть ли не полгода, а потом ее рвало каждый раз после еды. Сейчас хоть это пришло в норму, и ей стало намного лучше. Но Хильда Хан знала, что девочка переживала трудные времена и нуждалась в женском присмотре, и именно поэтому миссис Хан жила здесь. Она внимательно оглядела Мел и решила, что, кажется, это неплохая женщина. Миссис Хан слышала, что Мел делала репортаж о работе доктора, но она ожидала увидеть высокомерную телеведущую, знающую себе цену.

– Приятно познакомиться с вами, мисс Адамс, – сухо произнесла экономка, не отвечая на улыбку Мел, которую позабавило их различие с Ракелью. Мел еще раз отметила про себя, насколько по-разному они жили. – Хотите чаю со льдом? – Экономка неодобрительно смотрела на их пиво, и Мел почувствовала себя провинившимся ребенком.

– Нет, большое спасибо. – Она снова улыбнулась, но безрезультатно; быстро кивнув, Хильда Хан исчезла в своих владениях.

Она очень удобно устроилась здесь. Когда миссис Галлам строила этот дом, она пообещала Хильде выделить несколько комнат, в которых она теперь обитала. Миссис Галлам была прекрасной женщиной; экономка всегда говорила это и готова твердить без устали, и она прямо заявила об этом Мел, перед тем как внести обед. Мел заметила, как потускнели глаза у Пам, когда Хильда упомянула имя матери. Они все до сих пор были привязаны к Анне, как будто ждали, что она вернется домой. Мел хотелось сказать им, что ее уже не воскресить, они должны продолжать жить, каждый из них своей жизнью. Казалось, мальчики лучше смирились со смертью матери. Мэтью был еще слишком маленьким, когда она умерла, и его воспоминания уже стерлись из памяти; и он охотно забрался на колени к Мел после купания, и она рассказала ему о своих двойняшках. Ему, как и Памеле, захотелось узнать, как они выглядят. Марк оказался разумным и простым в общении юношей. Он с удовольствием беседовал с Питером и Мел. Он рассердился, когда появилась Пам и пожаловалась, что его друзья до сих пор околачиваются в бассейне. Ссора между ними казалась неизбежной, пока не вмешался Питер:

– Прекратите вашу перепалку. У нас гостя. И даже не одна.

Он сердито посмотрел на Пам, а затем перевел взгляд на оставшихся друзей Марка, которые тихо сидели поблизости, переговариваясь и подсушивая волосы. Но Пам, казалось, возмущало присутствие в доме посторонних. Она решила проблему с Мел, почти полностью не обращая на нее внимания с тех пор, как появилась у бассейна, лишь изредка украдкой бросая на нее взгляды, в основном когда Питер разговаривал с ней. Казалось, ей хотелось удостовериться, что между ними нет ничего особенного, но что-то в глубине души подсказывало ей, что тут кроется угроза.

– Разве не так, Пам? – Питер говорил о ее школе, но она так пристально уставилась на Мел, что не слышала, о чем он рассказывал. – Я сказал, что в твоей школе прекрасная спортивная подготовка и что в прошлом году ты дважды победила на соревнованиях по легкой атлетике. А еще им разрешили посещать легендарную школу верховой езды. – Опять же, как это отличалось от школы, в которой учились ее дочери; их школа была чисто городской. Образ жизни в Лос-Анджелесе был ближе к природе, чем у них в Нью-Йорке.

– Тебе нравится твоя школа, Пам? – мягко спросила Мел.

– Мне нравятся мои подруги.

При этих словах Марк закатил глаза, показывая свое неодобрение, и Пам тотчас попала на удочку.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что ты слоняешься с кучкой глупых неврастеничек, страдающих анорексией.

– Черт тебя подери, я не страдаю отсутствием аппетита! – Она вскочила, голос ее задрожал, и у Питера появился усталый вид.

– Прекратите, вы оба! – Затем он обратился к Марку: – Ты жесток.

Марк покорно кивнул.

– Прошу прощения. – Он знал, что на это слово теперь наложено табу, но еще не убедился окончательно, что она излечилась от этой болезни. Сестра казалась ему худой, что бы там ни говорили она или отец. Он с извиняющимся видом посмотрел на Мел и пошел к своим друзьям, а Пам вернулась в дом; за ней последовал Мэтью в поисках чего-нибудь съестного. Питер долго сидел молча, глядя на бассейн, а затем перевел взгляд на Мел.

– Как я понимаю, не совсем мирная домашняя сцена. – Поведение детей расстроило его. – Прошу прощения, Мел.

– Не надо извиняться. С моими тоже не всегда все гладко. – Хотя она не могла припомнить, когда ее двойняшки ссорились в последний раз, но эта семья все еще переживала кризис, а Пам казалась очень несчастной.

Питер со вздохом откинул голову на спинку кресла, глядя на бассейн.

– Надеюсь, в конце концов все встанет на свои места. На следующий год Марк уедет учиться в университет. – Но проблема заключается не в Марке, а в Пам, и они оба понимали это. А она еще долго никуда не уедет. Питер снова посмотрел на Мел. – Пам тяжелее всех перенесла смерть матери.

Это сразу же бросалось в глаза, но Питер тоже до сих пор переживал. Мел чувствовала, что он нуждается в женщине, которая заменила бы ему Анну и поделила бы с ним эту тяжесть. Это было необходимо не только ему самому, но и его детям. Тяжело видеть его таким одиноким. Он был интеллигентным и привлекательным, способным и сильным, и он мог многое предложить женщине. И, сидя рядом с ним, Мел улыбнулась про себя, подумав о Ракель и дочках. Ей так и слышалось, как они спрашивают: «А что ты думаешь, мам?.. А он привлекательный?.. Почему ты никуда не ходила с ним?..» – «А он не предлагал». И внезапно ее заинтересовало, пошла бы она на свидание с Питером, если бы представилась такая возможность? Питер был совсем не похож на знакомых ей мужчин. Ей нравилась его открытость, его мужественность, они были достойной парой друг другу. Это могло бы испугать ее, если бы она не уезжала на следующий день.

– О чем вы только что задумались? – Его голос прозвучал мягко в свете угасающего дня, и она с улыбкой прогнала свои мысли.

– Ни о чем особенном. – Совсем ни к чему было рассказывать ему о мужчинах в ее жизни или о том, что она о нем думала. Находясь рядом с ним, у нее создавалось впечатление, что она знала его лучше, чем это было на самом деле. Он казался легкоранимым, и это нравилось Мелани. Несмотря на успешную карьеру и положение, которое Питер занимал в обществе, он оставался глубоко человеческим, а теперь, когда она увидела его в домашней обстановке, она оценила его еще больше.

– Вы только что витали где-то очень далеко.

– Я задумалась о Нью-Йорке... о моей работе... о дочках...

– Должно быть, тяжело уезжать от них в командировки.

– Иногда да. Но они понимают. Сейчас девочки уже привыкли к этому. А пока меня нет, за ними присматривает Ракель.

– А какая она?

Мелани с усмешкой повернулась к нему.

– Она совсем не похожа на миссис Хан. По правде говоря, я как раз думала о том, насколько разная у нас жизнь, по крайней мере внешне.

– В каком смысле?

– Например, наши дома. Ваш более парадный, чем мой. – Мел засмеялась. – Наверное, мой дом похож на своего рода курятник. Он – типично женский. А Ракель выглядит так, словно ее никогда не учили причесываться, платье у нее всегда застегнуто неправильно, и она очень словоохотлива. Но мы любим ее, и она прекрасно ладит с девочками. – Мел улыбнулась своему описанию Ракели.

– А какой у вас дом?

– Светлый, веселый и маленький, как раз для меня и для девочек. Я приобрела его несколько лет назад, и в то время я до смерти боялась этой покупки, но потом была рада, что решила купить его. – Он кивнул, думая об ответственности, которую она взяла на себя. Это восхищало его в ней, как и многое другое. Мел снова улыбнулась ему: – Вам надо как-нибудь навестить меня в Нью-Йорке.

– Возможно, когда-нибудь. – Но тут же почувствовал, что ему хочется сделать это поскорее, хотя и не понимал причину, если не считать, что Мелани оказалась первой, кому он открыл свою душу после смерти жены. Но, прежде чем он смог что-либо добавить, вернулся Мэтью с тарелкой свежеспеченного печенья и, не задумываясь, бросился к Мел и предложил ей полакомиться вместе с ним. Все его лицо и пухлые ручонки были в крошках, остальные он высыпал на себя и на нее, но, кажется, Мел ничего не имела против. Ей было в новинку общение с маленьким мальчиком. Они завели серьезный разговор о его школе и друзьях, а Питер наблюдал за ними. Потом он пошел поплавать в бассейне, а когда вернулся, они все еще продолжали увлеченно беседовать. Мэтью уютно устроился у Мелани на коленях и казался совершенно счастливым.

Поднимаясь из бассейна, Питер задержался на верхней ступеньке лесенки и посмотрел на них с печальной улыбкой. Мальчику необходимо материнское тепло, они все нуждались в женской ласке, и впервые почти за два года он понял, как многого ему не хватало в жизни. Но как только эта мысль пришла ему в голову, он тотчас отбросил ее и, быстро взяв полотенце, стал вытирать волосы, как бы стараясь прогнать неожиданные мысли. Друзья Марка ушли, и он присоединился к Мелани и Мэтью.

– Надеюсь, мои знакомые не слишком надоели вам. – Он застенчиво улыбнулся ей. – Иногда они становятся несколько неуправляемыми.

Мел засмеялась, вспомнив друзей Джессики и Вал. Иногда казалось, что они готовы разрушить весь дом, и были такими же неуправляемыми, как друзья Марка.

– Мне они понравились.

– Скажите это моему отцу. – Марк с признательностью посмотрел на нее, стараясь не замечать, насколько привлекательно она смотрелась в купальнике его сестры.

– В чем дело? Опять мое имя упоминается все?

Марк победоносно посмотрел на отца. Ему нравилась новая знакомая Питера, а на девочек произвело потрясающее впечатление, что Мелани Адамс просто «околачивалась» возле их бассейна.

– Мисс Адамс считает, что моя компания не так уж плоха.

– Она это сказала из вежливости. Не стоит обольщаться.

– Это не так. Посмотрели бы вы на друзей Вал и Джессики. Однажды они устроили вечеринку, и кто-то из их гостей случайно поджег стул.

– О боже. – Питер поежился, а Марк улыбнулся. Она нравилась ему. С ней было так легко, она такая открытая и естественная, совсем не похожа на телезвезду. Если бы Мел

могла прочитать его мысли, то непременно рассмеялась бы. Она никогда не считала себя телезвездой, не думали так и ее дочери. – А что было потом?

– Я ввела для девочек строгие ограничения на два месяца, но их хватило только на месяц.

– Им повезло, что вы не отправили их в исправительное заведение. – Марк и Мел обменялись заговорщическими улыбками по поводу твердой позиции Питера, а Мэтью, который не принимал участия в их разговоре, прижался к ней, чтобы она не забывала о нем. Мелани нежно погладила его по волосам, и мальчик понимал, что она продолжает уделять ему внимание. Именно в этот момент Мел случайно взглянула в сторону дома и увидела Пам, стоящую у окна своей спальни и украдкой наблюдающую за ними. Их взгляды на мгновение встретились, и Пам тотчас исчезла. Мелани задумалась, почему девочка не вернулась к бассейну. Вероятно, она предпочитала, чтобы ее оставили в покое. А возможно, Памеле хотелось, чтобы Питер принадлежал только ей, и она не желала делить его с ней или с двумя мальчиками. Мел думала сказать об этом Питеру, но решила не вмешиваться. Они продолжали разговаривать, пока не налетел легкий ветерок и все почувствовали, что становится прохладно. Время приближалось к семи, и, взглянув на часы, Мел поняла, что ей скоро пора уходить. Приближалось время ужина, и Питер перехватил ее взгляд на часы.

– Вы еще не поплавали, Мел. Почему бы вам не искупаться? А затем пойдем ужинать. Миссис Хан придет в ярость, если мы опоздаем на ужин.

Казалось, все в доме отработано до мелочей, все идет строго по плану, и, хотя никто не говорил ей об этом, Мел чувствовала, что это осталось в наследство от Анны, которая поддерживала порядок, как хорошо смазанную машину. Это не было в стиле Мел, но производило впечатление. В какой-то степени именно это заставляло их продолжать жить так после смерти Анны, хотя, возможно, для них было бы лучше изменить все. Но старые привычки трудно ломать, особенно Питеру и миссис Хан. Через минуту дети ушли, и Мел красиво нырнула в бассейн, а Питер с удовольствием наблюдал за ней. Глядя, как она легко скользит по воде, он почувствовал, как в нем снова проснулось желание.

– Вы оказались правы. Именно это мне было необходимо, – сказала она со счастливой улыбкой на лице, предназначавшейся только ему.

– Я всегда прав. А еще вам надо поужинать с нами.

Она решила быть с ним честной.

– Надеюсь, дети не очень будут возражать. – Она многое прочла в глазах Пам. Намного больше, чем хотелось бы Питеру. – Думаю, они не понимают, как нужно относиться к моему появлению здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.